

Между львом и лилией

Автор:

Максим Дынин

Между львом и лилией

Максим Дынин

Александр Петрович Харников

Военная боевая фантастика Спецназ на тропе войны #1

Группа «вежливых людей» таинственным образом перемещается во времени и пространстве. Из предгорий Ингушетии она оказывается в Северной Америке, а из XXI века попадает в XVIII век. А там уже вовсю кипят такие страсти, что даже у привычных ко всему бойцов «Студенческого СтройОтряда» голова кругом идет.

Англичане ведут необъявленную войну с французами, а индейцы с теми и другими, а также между собой. На чью сторону стать пришельцам из будущего? Как им выжить в этой кровавой карусели? Как попасть в Россию, где царствует императрица Елизавета Петровна?

Волей-неволей «вежливые люди» должны сделать свой выбор. И они его делают. Их вмешательство в боевые действия изменяет ход истории. Но это всего лишь начало их приключений...

Александр Харников, Максим Дынин

Между львом и лилией

© Александр Харников, 2021

© Максим Дынин, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Посвящается всем бойцам ССО, не вернувшимся с задания и до конца выполнившим свой долг.

Авторы благодарят Ярослава под ником «Frog», оказавшего огромную помощь в написании этой книги.

Пролог

Где-то в горах Ингушетии. Весна 2018 года. Капитан 3-го ранга Хасим Хасханов, позывной «Самум»

– Халидыч! – в палатку просунулось лицо Волги. – Тебя Сёр фер вызывает.

Хасим нехотя оторвался от книги, которую читал, лежа на спальнике и подложив под голову тактический разгрузочный пояс вместо подушки. Он хмуро посмотрел на своего пулеметчика.

– Ну, что там такое?

– Не знаю. Наверное, задача какая нарисовалась... Он с НШ в штабном домике сидит.

Хасим задумался. Читать он любил, а вот когда его отвлекали от этого занятия – не очень. Но Сёрфер был известен крутостью нрава, и лишний раз злить его не

стоило. Да и засиделись они здесь... Точнее, залежались.

Группа «Студенческого СтройОтряда»[1 - ССО - Силы специальных операций.] занималась самым тяжелым делом в жизни каждого настоящего военного: отдыхала и наповал убивала время. В конце прошлого года их отряд был выведен из Сирии, где они полностью выполнили поставленные перед ними задачи, умудрившись при этом отправить в «страну вечной охоты» одного уважаемого шейха, прибывшего проинспектировать местное крыло ИГИЛ, и захватить вместе с местным Мухабарратом[2 - Служба государственной безопасности Сирийской Арабской Республики.] двух полевых командиров. Командировка выдалась тяжелой, отряд привез нескольких раненых, в том числе пару тяжелых. После реабилитации в одном из санаториев юга России и небольшого месячного отпуска группа была отправлена на «отдых» в Ингушетию.

Командировка эта особого восторга не вызвала, поскольку на Кавказе давно и плотно сидело ФСБ, и к армии там относились по принципу «принеси, подай, иди на хрен, не мешай». В лучшем случае инфа давалась левая и устаревшая. В худшем же - подобно москвичу-лимитчику, у которого приезжий спросил дорогу на Красную площадь - указывалось прямо противоположное направление. Причем, беспокоясь за здоровье и сохранность жизни военнослужащих, «фэйсы» отправляли их как можно дальше от истинного места обнаружения НВФ. Более того, видимо, «переживая за физическую подготовленность» коллег, они старались проложить маршрут, чтобы он был как можно протяженнее и сложнее. Вот и наматывали товарищи офицеры десятки километров зеленой тайги на подошвы своих армейских ботинок.

Исключение составляли те редкие случаи, когда собственные опера умудрялись раскопать какую-то информацию. Тогда, с целью ее оперативной реализации, группы отправлялись в поиск либо «засаживать»[3 - Ставить засаду.], а «коллег» извещали о районе действия, попутно объясняя, что не успели, мол, предупредить, согласовать, известить, испросить разрешения и тому подобное. Пудрить мозги - это особый вид оперативного искусства, которому обучают всех людей, носящих погоны, начиная с военных училищ и заканчивая академией ГШ, и опыт, который в армии копится веками.

Собственно, на этот раз именно так и произошло. Опера по своим каналам добыли инфу, охренели от ее масштаба и наскоро проверили ее по другим источникам. Получив невнятное подтверждение, они подумали и доложили

начальнику разведки отряда. Зам по разведке тоже немного подумал и доложил командиру. А тот долго думать не стал и приказал готовить группу для ее проверки. Ничего этого Хасим пока еще не знал. Он отложил книгу, сунул ноги в тактические ботинки и побрел к штабному зданию.

У штаба ему повстречался Рустам Жумашев, оперативный офицер, закрепленный за их группой. С Руссо – такой позывной был у Рустама – они дружили. Он был выходцем из «окопного быдла»[4 - Из боевой группы.], по ранению списанный в оперативный состав. Кроме того, Рустам обладал весьма ценным качеством для оперативного – он ходил практически на все выходы со своими группами и никогда не лез в решения командира, не мешая ему «рулить» подразделением. Они хлопнули ладонями, и Хас поинтересовался:

– Ну, что у нас интересного?

– Не знаю... – Рустам пожал плечами. – Вроде задача для вас есть.

– Опять поиск? Или что поинтереснее?

– Вроде засада.

– Ого, – Хас оживился. «Засада» говорила о том, что опера действительно что-то нарыли. – А где именно?

– Не знаю. Сёрфер сейчас, наверное, все скажет. Меня самого только что вызвали.

Они подошли к входу в штабной домик. Хас постучал, приоткрыл дверь и просунул голову.

– Прошу добро, товарищ командир?

– А, Хасханов! – полковник Мотовилин оторвался от карты, над которой он склонился с начальником штаба, подполковником Восьмеркиным. – Заходи. Где Жумашев?

– Тут он, со мной.

– Скажи – пусть заходит, да побыстрее.

Офицеры зашли и присели за стол, на котором была, словно скатерть-самобранка, расстелена карта местности.

– Итак, товарищи офицеры, – Мотовилин взял в руки карандаш вместо указки. – По данным разведки, в одно из сел должен пожаловать эмиссар Аль-Каиды на Северном Кавказе. Его позывной «Турок». – Карандаш указал точку на карте километрах в ста двадцати от тактического значка, обозначавшего базу отряда. – По предварительным данным, цель его появления – передача денег местным главарям джамаатов на джихад, а также сбор флэшек с отчетами о проделанной работе. Появиться он должен ориентировочно через три-четыре дня. С ним будет человек десять сопровождения. Задача: выдвинуться группой в указанный район, забазироваться, пронаблюдаться. При появлении Турка – уничтожить его. Постараться собрать флешки с отчетами, доставить сюда, на базу. Тут их уже будут наши опера крутить. Вопросы?

– Товарищ полковник, – поднял руку Рустам, – способ выдвижения группы?

– На ваше усмотрение. Постараемся всем обеспечить. Еще вопросы есть?

– Ориентировочный срок выполнения задачи?

– Рассчитывайте на три-четыре дня.

– Количество человек на встрече?

– Количество неизвестно, – Мотовилин начал потихоньку повышать голос. Видно было, что скудность полученной информации его тоже нервирует. – Сколько главарей и сколько с ним будет людей – неизвестно. Но вряд ли много. Это не Сирия. Они на нашей земле, и большое количество народа привлечет к себе внимание. Так что вряд ли их будет много. Еще вопросы?

– У меня есть, – поднял руку Хасим. – С главарями-то что делать?

– По возможности уничтожить. Но главное – это Турок. Уничтожьте главарей и Турка, или хотя бы одного Турка завалите – можешь готовить себе дырочку.

– Товарищ полковник, – Хасим был сама серьезность, хотя в глазах у него плясали чертики, – что у вас за методы такие? Чуть что – так сразу готовь дырочку?

– Хасханов! – Мотовилин начал понемногу закипать. – Ты что, шибко умный стал? Тебя с гор за солью спустили, а ты умудрился потеряться на бескрайних просторах Красной площади. А сейчас, когда ты наконец понял, что Карл, Маркс, Фридрих, Энгельс, это не четыре человека, а всего два, а Слава ВДВ – вообще не человек, ты поумничать решил? Еще вопросы?!

– Связь?

– Возьмете центровой «Арахис»[5 - Портативная цифровая УКВ-радиостанция.].

– Из «тяжелого»[6 - «Тяжелое» – тяжелое вооружение. Сюда относятся АГС, СПГ, ПТУР, крупнокалиберные пулеметы и минометы.] что-нибудь берем?

– А оно тебе надо? Как ты его в горы с собой потащишь? Если что-то надо – то бери. Но понесешь на себе. Еще вопросы есть?

Офицеры синхронно покачали головами, показывая, что им все ясно.

– Сергей Витальевич, ты что-нибудь добавишь? – спросил Сёрфер у своего начальника штаба.

Тот посмотрел на офицеров и сказал:

– Спланируйте выезд на рекогносцировку. Лучше завтра с утра. Прокатитесь, посмотрите, что к чему. Завтра к вечеру у меня должен быть замысел и решение командира. Готовность группы к выдвигению – завтра вечер, тире, послезавтра утро. Времени на раскачку нет. Вопросы?

– Никак нет, – офицеры поднялись из-за стола. – Добро на выход?

– Добро.

Откланявшись, группник[7 - Группник, группенфюрер — жаргонное название командира РГСПН в спецназе.] с оперативным убыли в свое расположение.

Хасим расстался с Рустамом возле палатки оперативных. Зайдя в свое хозяйство, он увидел сидящего у входа в палатку и курившего Стаса Анопко.

– Апач, свистать всех наверх, – скомандовал он. – Сбор группы через четверть часа в кают-компани.

Потом зашел в палатку, взял карту, канцелярские принадлежности, блокнот и вышел к месту сбора. Кают-компанией называлось место, оборудованное возле палатки из подручного материала: досок, снаряжных ящиков и упаковок из-под ПТУРов, которое представляло собой грубо сколоченные длинные стол и лавки. Место служило для «сиесты» группы, вечернего отдохновения, совещаний и прочих мероприятий. Через пятнадцать минут он уже наблюдал перед собой своих парней, смотревших на него настороженно и с интересом.

– Товарищи офицеры! – начал он. – То, чего мы с вами так долго ждали, наконец, свершилось. Начальство вспомнило, что мы слишком долго отдыхаем. Короче: группе суточная готовность к выходу. Выдвигаемся на три-четыре дня с задачей распетушить залетного орла и его сопровождающих. Поскольку встречать его будут местные орлы, то по возможности отпетушить и их. Но залетного – обязательно. Завтра утром выезд на рекогносцировку. Еду я, Леня, – он посмотрел на своего «замка»[8 - Замок – жаргонное название заместителя командира РГСПН.], и Леня кивнул ему в ответ, – Север и Мастер. С нами еще Руссо. Выезд завтра в 6:00. Вопросы?

Посыпались стандартные вопросы: в какой район выход, что брать, какой тип засады и тому подобное. Хасим отвечал, понимая, что в принципе, завтрашня рекогносцировка ничего не решит. Он уже прикидывал, с чем пойдет его группа, как, что с собой брать и как примерно он будет выполнять эту задачу. Основной вопрос – брать с собой «тяжелое» или нет? С одной стороны, это хорошее подспорье, особенно когда точно неизвестны силы противника, и возможны всякие варианты. С другой – оно существенно замедлит группу и снизит ее мобильность.

Это Хас решил отложить до проведения рекогносцировки.

Закончив экспресс-совещание, он распустил личный состав и пошел готовить снаряжение к завтрашнему выезду. Ну и отдохнуть по возможности. У палатки его отловил Леха Каширин, мичман из его группы, который на этой командировке был в составе отряда тяжелого вооружения, где формально и числился. На лице Лехи было выражение вселенской тоски, и он напоминал собаку, которую хозяин в лютый мороз пинками выгоняет на улицу. Хасим не удивился – сарафанное радио уже сработало.

Леха переминался с ноги на ногу, жалобно поскуливал, и его хотелось накормить и обогреть.

– Командир... Так че там?.. Едем завтра куда или нет?

– Мы едем, Леха, – мягко сказал Хас. – А вот Вы пока никуда не едете.

– А че, ты «тяжелое» не берешь с собой?

– Пока еще не решил. Скорее всего, нет. Пойдем пешком, все придется тащить на себе. Куда нам еще «тяжелое»?

– Так это... командир... у нас там «тридцать четвертый»[9 - Тридцать четвертый – автоматический гранатомет АГС-34.] находится на боевой апробации, можем взять с собой... Он же как раз в носимом варианте. Мы его с Магой и потараканили бы.

Для подкрепления собственных слов Леха постарался сделать лицо, как у актрисы Елены Воробей в известном монологе на тему: «ну возьмите меня...».

Хас задумался. Откровенно говоря, «тяжелое» ему бы совсем не помешало. Очень много неизвестных в его уравнении. С другой стороны, ему не помешал бы и сам Леха. Леха начал свой путь разведчиком-срочником в Бердской бригаде спецназа в 1999 году. Там же остался на контракт, получил прапорщика, был «замком», потом отучился на снайпера, причем дошел до инструктора. Кроме того, у него боевого опыта было на троих, и бойцом он был отменным.

– Хорошо, – наконец произнес Хас. – Но «улитки»[10 - Улитки – коробки с выстрелами к АГС.] потащите сами. Нам и так до хрена на себе переть.

Леха просиял, как человек, который внезапно узнал, что стал долларовым мультимиллионером, и на рысях умчался в свое расположение, готовить АГС и Магу к выходу.

Рекогносцировка особых данных не добавила. Мастер, старший снайперского расчета, прикинул дальности и возможные позиции, Хас, Рустам и Леня осмотрели район выполнения боевой задачи. Ясно было одно – успех операции может обеспечить только скрытность вывода группы в район. Местные жители, жившие, как завещал Владимир Семенович: «Послушай, Зин, не трогай шурина. Какой ни есть, а все ж родня», при обнаружении группы немедленно известили бы старейшин села. Это поставило бы под угрозу сам факт появления Турка.

Поэтому выбора нет – придется крайние пятнадцать-двадцать километров до точки базирования пройти пешком. Причем как минимум половину маршрута – по горам. И не порожняком, а с грузом, и немалым. Хас печально вздохнул, представив, как заблеет его группа, узнав, что ей предстоит.

Понимая сложность ситуации, и посоветовавшись с Руссо и Удавом, Хас заложил на вывод группы в район двое суток. Этого было достаточно, чтобы группа в спокойном темпе прошла требуемое расстояние. К вечеру Хас «решился»[11 - «Решился» – составил решение командира РГСПН на засаду.] и утвердил замысел и решение у Руссо и Сёрфера.

Едва начало светать, группа была построена и готова к выходу. Ввиду того, что выводиться и базироваться предстояло в горно-лесистой местности, группа была одета в британский DPM, который наряду с немецким «флектарном» был одним из самых эффективных паттернов для леса.

Основной и запасной связисты группы качнули связь с Центром, проверили «Арахис», группа включилась в канал и проверила портативные радиостанции. Связь исправно работала. На левом фланге группы стоял расчет тяжелого вооружения в лице командира, старшего мичмана Каширина, и его второго номера, лейтенанта Исаева. АГС-34 в походном положении лежал у их ног.

Рустам официально зачитал приказ на выполнение боевой задачи. Окончив, он посмотрел на Хасима. Тот, сделав шаг вперед, довел порядок выдвижения, расстояния между подгруппами, порядок действий при внезапном нападении, основную и запасную точки сбора, то есть все, что обычно доводится в подобных

случаях. Закончил монолог он своей традиционной фразой:

– Джентльмены, каждый из вас знает, что ему делать. Давайте пойдём и немного поработаем...

Группа по команде разбилась на подгруппы и разошлась к своим транспортным средствам. Половина группа выдвигалась верхом на БТРе, половина – в КамАЗе-броникапсуле. Обеспечивала вывод ещё одна группа их отряда на двух «тиграх» и БТРе.

Проверив загрузку своих на технику, Хасим пошел к кабине КамАЗа. У самой кабины, уже открыв дверь, Хасим посмотрел в сторону гор, куда они выдвигались. Он увидел рваные сгустки тумана, собирающиеся ближе к вершинам. Постоял, прислушиваясь к себе, потом качнул головой и полез в кабину. Включил станцию, проверил связь в колонне и дал команду на выдвижение. Тонкая змея колонны начала движение навстречу своей судьбе...

Глава 1

В тумане

Где-то в Ингушетии. Весна 2018 года. Капитан-лейтенант Леонид Зинченков, позывной «Удав»

Леня сидел на броне, рядом с открытым люком командира машины, свесив в него длинные ноги. Сам командир бэтэра сидел между своим люком и люком мехвода, держась за пушку. Машина споро ехала по грунтовке, и ветер неслабо задувал им в лица. Выручали тактические очки-пыльники и бафф, натянутый на лицо под самые очки. В группе Леня был одним из ветеранов, как по возрасту, так и по опыту. Старше его были только Самум и Мастер. Да и то на годок всего. При росте в 187 сантиметров и весе 90 килограммов, Леня был достаточно проворным, а в борьбе – очень вязким, за что и получил свой позывной «Удав». До прихода в «Студенческий СтройОтряд» Леня сам был группником в Балтийском МРП. Но то другая группа и другой контингент: матросы-срочники. Потом их постепенно стали вытеснять контрактники, но все равно это были

матросы, со всеми отсюда вытекающими менталитетом и привычками.

С Хасимом он сработался сразу. Два моряка (Хасим пришел с Тихоокеанского МРП), одинаково любящие море, водолазную службу, жизнь, войну и женщин, не могли не сработаться. Даже то, что Леня учился в Калининградском военно-морском, а не в Ленинградском[12 - Намек на определенные недопонимания между военно-морскими училищами.], не могло на это повлиять.

Сейчас Леня ехал на броне и молча думал о чем-то своем, не забывая посматривать вперед и по сторонам, держа руки на «семьдесят четвертом» с примкнутым подствольником.

Наконец машины дошли до крайней точки своего маршрута. Дальше предстояло двигаться пешком. Леня дал команду спешиться и прыгнул с брони. Потом он подошел к люку десанта и достал рюкзак из чрева бэтээра. К этому моменту вторая часть группы под руководством Хасима тоже спешила и активно вытаскивала свое имущество из бронекapsулы.

Наконец, все вещи были извлечены, и машины, урча, развернулись для следования обратно, в ПВД. Парни пожали руки экипажам БТР, парням из группы, обеспечивающей их вывод (эта же группа будет сидеть дежурной в ПВД на случай, если они вдруг вкиснут, либо если возникнут иные нештатные ситуации), и построились по подгруппам. Колонна ушла, а Хасим еще раз довел порядок движения подгрупп, интервалы-дистанцию. Группа «качнула» связь, и связист вышел на ОДС и сообщил в штаб отряда о начале второй фазы вывода.

Хас дал команду, группа навьючила на себя рюкзаки, проверила оружие и построилась в походный порядок. Леня вывел свой головняк вперед, занял место в боевом порядке подгруппы и хлопнул впереди стоящего офицера, давая команду на выдвижение. Группа начала втягиваться в «зеленку»...

Где-то в предгорьях Ингушетии. Весна 2018 года. Старший лейтенант Наиль Хурамшин, позывной «Салават»

Наиль в группе был инженером, да еще и в головняке[13 - Головной дозор группы.], поэтому занимал первое место в боевом порядке подгруппы. Ходить в головняке – почетная и скорбная обязанность. Может быть, кто-то задумывался

когда-нибудь, почему головняк водит, как правило, сам «замок»? Парням, которые ходят в головняке, выпадает честь первыми обнаружить врага, принять бой и, если не повезет, встретить свою смерть. Потому «замок» и водит головняк. Его полномочий, опыта и мастерства хватает для того, чтобы быстро сориентироваться, правильно оценить обстановку и принять верное решение: вступать в бой или пропустить противника, подтягивать к себе группу или, наоборот, упереться и дать группе отойти. Головняк действует в достаточно большом отрыве от остальной группы. Головняк первым заходит на местность и досматривает ее, они торят проход в минном поле. Они первыми обнаруживают либо попадают в засаду. Потому и ходят в головняке матерые рэксы[14 - На жаргоне спецназа ГРУ – разведчик экстра-класса.], которые не боятся ни черта, ни Бога. Наиль не мог похвастаться особым боевым опытом, но было в нем что-то такое, что подкупило Леню, и он взял Салавата к себе в подгруппу. Хасим не возражал.

Когда «замок» дал команду на выдвижение, Наиль проверил висящий спереди на разгрузке джипер[15 - GPS-навигатор.], тронулся вперед и набрал привычный темп, цепко осматривая местность впереди себя и с боков на предмет обнаружения растяжек и признаков минирования.

Группа медленно ползла по «зеленке», периодически останавливаясь и слушая лес. Поскольку все были навьючены, темп движения был практически черепаший. Наиль, в чьи обязанности также входило выбирать и траекторию движения группы в рамках маршрута, ненадолго замирал, осматривая местность перед собой и прикидывая возможные векторы движения, с учетом того, что в группе имелись пулеметчики, которые были гораздо габаритнее своих товарищей, и не через все кусты могли продраться. Также следовало учитывать и наличие АГС, который нес на себе расчет тяжелого вооружения, идущий в ядре.

Остановившись в очередной раз, Наиль заметил, что они практически подошли к началу тумана. Издали он казался гораздо разреженнее, но вблизи напоминал дымчатую стенку. Наиль остановился, сделав рукой условный жест и давая команду на остановку всей группы. После обернулся, нашел глазами Удава и знаками показал ему, что они входят в туман. Удав также знаками передал информацию далее по цепочке. Когда инфа дошла до Хасима, тот передал по подгруппам, чтобы сократили дистанцию и усилили бдительность, и дал команду следовать дальше. В группе сразу же все подтянулись друг к другу и начали движение...

Туман. Время и место неизвестно. Капитан-лейтенант Леонид Зинченков, позывной «Удав»

Группа уже довольно долго ползла в этом странном тумане. Леня в очередной раз посмотрел на джипер, но показания его не менялись – на экране было видно, что группа находится на верном треке, но при этом стрелка, показывающая владельца прибора, стояла на месте. Поневоле в голову закрадывалась мысль, что джипер залип.

Внезапно сзади по цепочке пришла команда: «Стой! Наблюдать!», а секундой позже: «Занять круговую оборону!» Группа моментально сыпанула вправо-влево по подгруппам, каждый из специалистов нашел себе укрытие и, держа оружие наизготовку, начал «держаться» и наблюдать свой сектор.

Не было ни паники, ни удивления. Все давно привыкли, что Самум, полагавшийся на свою чуйку, иногда давал неожиданные, порой странные команды. Но Хасим был не только умелым, но и фартовым группником, и группа ему верила. Раз дал команду – значит, что-то почувствовал. А что и как – вой на план покажет. Все знали, что временами в Хасиме просыпался Зверь. И этот Зверь обладал редким чутьем, хитростью, а в бою – яростью. Хасим не раз вытаскивал группу из самых разных передраг, и потому все относились к таким моментам с пониманием. Потянулись минуты ожидания...

Минут через пятнадцать от ядра пришла команда: «Продолжить движение, смотреть в оба». Леня сжал пальцами плечо Салавата и кивком головы и жестом показал ему, что необходимо двигаться дальше. Через какое-то время уже и Лене стало казаться, что они не одни в этом тумане. Мелькали какие-то зыбкие тени, слышались странные звуки.

Немного поколебавшись, он дал команду остановиться и занять круговую оборону. Команда ушла по цепочке, группа опять привычно рассыпалась по секторам. Своей подгруппе Удав жестами показал: «наблюдать и слушать».

Через какое-то время ему показалось, что он слышит сдавленный стон. Звук исходил от кого-то, находящегося примерно на два часа от вектора движения группы и метрах в десяти-пятнадцати. Хотя в таком тумане вряд ли можно верно определить расстояние... Леня еще немного послушал лес и вопросительно

посмотрел на Наиля. Тот чуть заметно кивнул и вытянул руку, примерно в том же направлении, откуда Лене слышался стон. Затем жестом показал Наилю: «Человек. Один. Предположительно противник. Десять метров». Поколебавшись, Наиль выкинул на пальцах: «Двадцать метров». Леня тут же передал в ядро: «Обнаружил цель. На два часа по ходу движения группы. Дистанция Десять-двадцать метров. Прошу добро на досмотр».

Из ядра пришел ответ: «Добро на досмотр. Группе занять круговую оборону». Леня тут же развернул свою подгруппу полумесяцем, и она, разбившись на пары, уступом начала медленное движение вперед, по дуге огибая предполагаемое место обнаружения цели, чтобы оказаться от него сзади-сбоку.

Вдруг Салават резко остановился и тут же подал команду на остановку подгруппы, а затем вытянул руку. Туман, который в этом месте был разрежен и напоминал больше решето с мраморными прожилками, позволял разглядеть лежащее на земле тело. Причем оно было неподвижно. Похоже, что человек был или мертв, или без сознания. Леня понаблюдал еще несколько минут, но тело не двигалось.

Дав команду второй паре прикрывать, Леня показал Салавату: «Вперед!», и они, крадучись, начали по полшажка подходить к телу, держа его на мушке автоматов.

Подойдя практически вплотную, они увидели, что это рослый и атлетически сложенный мужчина лет сорока или чуть поболее того. Судя по лицу, он был европейцем. Светлые волосы были перемазаны кровью, а на лбу виднелась здоровенная ссадина. Небольшая светлая бородка была слегка опалена. Видимо, он имел дело с открытым огнем – к примеру, недавно сидел у костра. Лежащий был странно одет: в куртку из тонкой выделанной кожи, такие же брюки и мягкие башмаки, напоминающие индейские мокасины. Левый бок куртки был окровавлен. Кровь была свежая, похоже, что человека убили или ранили совсем недавно.

На куртке видно было входное пулевое отверстие, но человек лежал на спине, и выходное отверстие, если оно и было, заметить не удалось. Правая рука мужчины неестественно вывернута и, похоже, сломана в запястье.

Аккуратно опустившись на корточки, Леня снял перчатку и приложил пальцы к сонной артерии лежащего. Пульс едва заметно и слабо пробивался. Показав Салавату, что человек дышит, Леня натянул перчатку и легкими аккуратными движениями начал медленно прощупывать грунт под человеком на предмет «сюрприза» в виде эфки «на разгруз». Прощупав с каждой стороны и убедившись в том, что лежащий человек не заминирован, Удав дал команду подтянуться второй паре. Та подошла и заняла оборону по секторам, давая время Удаву подумать и принять решение...

Леня колебался, брать ли человека и нести его к группе или подтягивать группу сюда. Или вообще нарушить радиомолчание и запросить по рации Самума, чтобы он принял решение. В конце концов, он решился выйти по радиостанции, все-таки ситуация была неординарная. Леня поднес гарнитуру ко рту и надавил на тангенту радиостанции.

- Самум - Удаву!

- Самум - да!

- Обнаружил человека. Гражданский, оружия нет. «Трехсотый». Повторяю: гражданский - «трехсотый». Тяжелый. Мои действия?

Наступила пауза. Потом рация отозвалась голосом Хасима:

- Удав - Самуму!

- Удав - да!

- Раненый транспортабелен?

- Да.

- Забирайте его и оттягивайтесь к нам.

Леня жестом показал Ромео, старшему второй пары, чтобы они взяли раненого. По команде Ромео его второй номер, Динго, скинул рюкзак и отнайтовал от него тент. Когда Салават дотронулся до мужчины, тот с трудом разлепил глаза и

мутным взглядом посмотрел на обступивших его бойцов.

– Господи, – пробормотал он запекшимися губами, – неужто русские? Откуда вы здесь взялись?

И снова потерял сознание. Раненого уложили на плащ-палатку, Салават и Ромео взялись за ее концы и двинулись в направлении основной группы. Леня и Динго, пулеметчик его подгруппы, шли сзади, прикрывая отход. Головняк начал оттягиваться к ядру...

Интерлюдия

Подмосковье, 2014 год. Капитан-лейтенант Хасим Хасханов, позывной «Самум»

Хас сидел у себя в канцелярии, в кресле. Рядом с ним, сбоку от стола пристроился Леня, лениво перебирая учетные карточки кандидатов. На тумбочке в углу весело закипал в очередной раз электрочайник, пахло ароматным кофе.

– Ну что, зови следующего, – сказал Хас, обращаясь к Лене.

– Следующий! – громко гаркнул Леня, которому лень было оторвать свою задницу от стула.

В дверь постучали, она отворилась, и в кабинет вошел долговязый парнишка почти под два метра ростом с погонами лейтенанта и эмблемами космических войск.

– Разрешите? – робко поинтересовался он.

– А чего разрешать? Ты ж уже вошел, – ответил Хас. – Присаживайся.

Судя по шеврону, парнишка был из их соседей, с другого берега озера. Хас еще раз глазами пробежался по учетной карточке и поднял взгляд на парнишку.

– Ну и что к нам привело?

- В смысле? - оторопел летёха.

- В прямом. Зачем к нам?

- Ну-у-у-у... я всегда хотел в спецназ... с детства мечтал.

- Так и поступал бы в Новосиб. Или в Рязань. Ты же вроде «Можайку»[16 - Можайка - военная инженерно-космическая академия им. А. Ф. Можайского в Санкт-Петербурге, сейчас - Военный инженерно-космический университет.] закончил?

Дождавшись утвердительного кивка парнишки, Хас продолжил:

- Ну вот. А к нам зачем?

- Я в спецназ всегда хотел, - непонимающе ответил лейтенант.

- Если хотел, так и шел бы в спецназ. У нас бригад в стране хватает. А к нам зачем?

- Я именно сюда хотел. Самые лучшие здесь, - начал нервничать и накаляться «космонавт».

- Так то лучшие. А ты лучший?

- Я ФП сдал на «отлично». Можете в карточке посмотреть.

- Я вижу. Но ФП - это еще не всё. А что ты у нас будешь делать?

- В смысле? - не понял парнишка. - То же, что и все.

- В прямом, - вмешался в разговор Леня, сразу смекнувший, куда клонит Хас. - Сколько поражающих элементов в МОН-50? Какие они?

- ...

- Радиус сплошного поражения ОЗМ-72?

- ...

- Ладно, - Леня придвинул парнишке чистый лист бумаги и ручку. - Нарисуй схему проведения засады и расскажи, какие подгруппы при этом выделяются.

- ...

- ОК. Нарисуй хотя бы ВОП[17 - ВОП - взводный опорный пункт.].

Парнишка злился, краснел, но лист бумаги оставался девственно чистым.

- Ты «позвоночный»[18 - «Позвоночный» - прибывший устраиваться по звонку сверху, блатной.]? - напрямую спросил Хас.

Парнишка еще больше покраснел, но смолчал.

- Ты понимаешь, что уровень знаний у тебя никакой? В группе все уже с опытом. А тебя придется подтягивать. Ты группу тормозить будешь. Мертвый якорь ты. Знаешь, что такое мертвый якорь[19 - Мертвый якорь - груз, как правило из ж/б конструкций, на якорь-репе (якорной цепи), которыми удерживаются на месте плавпричалы на военно-морских базах.].?

Летёха покраснел еще сильнее, хотя казалось, что больше уже некуда, и отрицательно помотал головой. Хасу на минуту показалось, что он сейчас заплачет.

- Кем ты сейчас у себя трудишься? - спросил он.

- Начальник отделения боевых алгоритмов.

- Что-о-о? - протянул Хас. - Начальник отделения чего?

- Боевых алгоритмов.

– Вы там что... в денди играете? Дружище, ты сюда зачем пришел? Здесь из тебя Дарта Вейдера не сделают. Световых мечей у нас нет. Джедаем ты тоже не станешь, товарищ Йода давно уже на пенсии по выслуге лет, пробуждать твою Силу у нас некому. Зачем к нам?

– Я хочу сюда. Здесь лучшие, – упрямо протянул мальчишка.

– Братан, у нас карьеры не сделать, – опять включился Леня. – Хас уже десять лет кэпом бегаёт. Денег ненамного больше платят, чем у вас. А шансов дожить до счастливой старости тут гораздо меньше.

– Я хочу к вам, – упрямо повторил «космонавт».

Было видно, что аргументировать свое появление в группе ему нечем. Но также было заметно, что от своего он не отступит. А закрывать дыры в группе надо. Хаса «через не могу» заставили отдать трех офицеров на повышение в другие группы, и сейчас надо было доукомплектовываться. Хас посмотрел на Леню, и тот чуть заметно кивнул.

– Хорошо, – подвел итог Хас. – Обещать ничего не буду. Ничего не найду лучше – ты принят. Позвоню о решении, – упредил он вопрос парнишки.

– Ну, что думаешь? – спросил он Леню, когда за питомцем «Можайки» закрылась дверь.

– А что думать-то? – пожал плечами Леня. – ФП он реально хорошо сдал, я сам принимал «адскую неделю»[20 - Примерно соответствует адской неделе «морских котиков»]. А то, что знаний нет – съездит в Загу[21 - Зага – жаргонное название одного из мест Подмосковья, где проходят учебные курсы.], подучится. Мы все равно сейчас в полный отпуск идем, его как раз и отправим на это время.

– Добро, – Хас отложил его карточку. – Тогда этого Дарта держим про запас, если реально никого не будет лучше, берем.

«Тем более что он “позвоночный”, – подумал Хас про себя. – А это значит, что давление сверху будет неслабое. Лучше уж взять нормального “позвоночного”, чем ненормального “позвоночного”»...

Туман. Неизвестно где и когда. Капитан 3-го ранга Хасим Хасханов, позывной «Самум».

Если честно, то вся эта экспедиция не понравилась Хасу с самого начала. Вся его чуйка просто вопила о том, что что-то обязательно пойдет не так. Точнее, все пойдет не так. А своей чуйке Хасим привык доверять. Волк, живший в нем, просыпался именно в минуты опасности, и тогда Хасим сам начинал напоминать волка: такой же настороженный, с такими же глазами и оскалом.

Хасим не помнил уже, когда именно он почувствовал в себе Зверя, когда научился слышать его и доверять ему. Его сестренка, Мадина, гораздо лучше разбиралась в таких вещах. Мать их была сибирячкой, в которой причудливо смешались казачьи, местные татарские и бог знает еще какие корни. В числе его предков были сибирские шаманы, которые умели общаться с духами стихий и животных. Видимо, от матери им это передалось, Мадишке – больше, Хасу – меньше.

Когда от головняка пришла инфа, что они заходят в туман, Хасим на мгновение испытал сильное желание остановить группу и поискать кружной путь. Но «коней на переправе не меняют». И Хас скомандовал: «Вперед!» Уже в тумане он почувствовал, даже не на физическом, а на каком-то ином, подсознательном уровне, что они здесь не одни. Он не мог сказать однозначно, кто это – друзья или враги, но то, что здесь был еще кто-то – это был факт. Все естество его кричало об этом, и не привыкший противиться ему Хас скомандовал: «Стой! Наблюдать!», а секундой позже, уже не колеблясь: «Занять круговую оборону!»

Группа привычно рассредоточилась по секторам и стала наблюдать и слушать лес. А Хас стал слушать себя. Наконец, придя к консенсусу со своим Волком, что все вокруг очень странно, но безопасно, он дал команду следовать дальше.

Однако через некоторое время аналогичная команда пришла от головняка. Значит, не зря Волк тихонько рычал внутри него. Леня тоже что-то такое увидел или почувствовал. Вскоре группа опять тронулась в путь, а спустя минут десять от Удава прошла информация, что они обнаружили «трехсотого». Причем Леня сообщил это по радиостанции. Значит, ситуация действительно была очень странная, если Удав решился выйти в эфир.

Группа уже давно ходила вместе, и слажена была так, что все уже давно понимали друг друга невербально. Хасим дал команду головняку оттянуться вместе с раненым к основной группе, после чего подозвал к себе Дарта, группного медика. Тот выслушал Хасима, отстегнул от своего рюкзака тент и стал спокойно и деловито готовиться к оказанию первой медицинской помощи.

Наконец появился головняк, тащивший на импровизированных носилках чье-то тело. Замыкали процессию Удав с Динго. Дарт показал, куда положить раненого, затем, достав из рюкзака ПНВ[22 - Прибор ночного видения.] и включившись в него, приступил к осмотру, пальпируя тело руками в хирургических перчатках. Проведя осмотр, он посмотрел на Хасима. Тот склонился к нему, и Дарт чуть слышно прошептал: «Сквозное. Мягкие ткани навывлет. Жить будет, но рана тяжелая».

Делать было нечего. Хасим отдал команду группе на базирование, а Дарт стал деловито заниматься раной. Он достал гемостоп[23 - Гемостоп – препарат отечественного производства, разработанный военными медиками для остановки интенсивных кровотечений.], засыпал оба отверстия, входное и выходное, и свел по очереди края каждой раны, заклеивая их. Затем подвел медицинский пластырь на каждую рану, проклеил его по краям медицинским скотчем и начал готовить руку больного к постановке системы. Достал пластиковую бутылку с раствором, похимичил с ней и не глядя протянул за спину. Стоявший сзади специалист подхватил ее и ловко принайтовал к ближайшему кусту, обеспечивая ток раствора. Дарт уже к этому времени ввел катетер и закрепил пластиковый провод пластырем на руке незнакомца. Хасим повернулся к стоящему рядом Рустаму и, кивая на раненого, тихонько спросил его:

– Ну, что думаешь обо всем этом?

Рустам, который, как и Хасим, был немногословен, только пожал плечами. Действительно, выглядел раненый достаточно экзотично. Вся его одежда словно говорила о том, что он совсем недавно находился на съемочной площадке какого-нибудь киношного вестерна. Или это был шальной реконструктор, которого черти занесли в горы Ингушетии. Хасим знал подобных любителей экстрима, только свои реконструкции они чаще всего устраивали среди карельских скал или где-нибудь на Урале.

Хасим и Рустам присмотрелись внимательно к одежде раненого. Она была сшита из хорошо выделанной мягкой оленьей кожи. На поясе у него висел нож в ножнах, сшитых из лосиной шкуры и украшенных бисером. Клинок, чем-то напоминавший финский пуукко, с рукояткой из березового капа. Мужчина был светловолос, но это еще ничего не означало – на Равнинном Кавказе можно было легко найти природных блондинов с голубыми глазами. Хасим знал как минимум три тейпа своих соплеменников, где преобладал именно такой генотип.

Ладно, утро вечера мудренее. Надо отдыхать, нагонять же придется завтра. Хасим дал Лене команду распределить «фишку»[24 - Вахту.] и скомандовал группе:

– Отдыхать, – а потом, повернувшись к Рустаму, добавил тихонько, чтобы услышал только он: – И думать.

Группа мгновенно достала и расстелила спальники, кто-то кипятил себе чай или кофе в джетбойле[25 - Портативном газовом чайнике.], а кто-то уже забылся рваным чутким сном разведчика...

Глава 2

Последние из сасквеханноков

Историческая справка

Бобровые войны

Все началось с бобров. Точнее, с мягких и теплых шкурок этих забавных и трудолюбивых зверюшек, которые были всегда в большой цене. Одним словом, шкурная вышла история...

В Средние века шкурки пушных зверей называли «мягким золотом». Действительно, шубу или шапку из соболя или бобра мог купить лишь обеспеченный человек, имеющий к тому же достаточно высокий статус. Одежду

из горностаия или куницы могли носить лишь высшие сословия, из лисицы или выдры – представители среднего класса. Простонародье довольствовалось заячьими шкурками.

Со временем стоимость мехов резко подскочила, так как в Европе практически все пушные звери к XVI–XVII векам были безжалостно истреблены. Лишь в далекой Сибири еще водились соболя, куницы, белки и лисы, да в недавно открытом Новом Свете, в лесистой Северной Америке в бесчисленных озерах и реках строили свои плотины сотни тысяч бобров.

Где-то в начале XVII века племена индейцев-алгонкинов изгнали из бассейна реки Святого Лаврентия ирокезов и начали расширять свои владения. Ирокезы откочевали на юг и запад и расположились в районе Аппалачей. Ожесточенные войны между этими племенами были вызваны, помимо всего прочего, соперничеством из-за охотничьих территорий.

Когда же к берегам Нового Света причалили корабли англичан и французов, индейцы в числе прочих товаров для обмена предложили им бобровые шкурки. Европейцы мгновенно оценили выгоду подобного товарообмена – выменянные за бесценок меха можно было продать в Старом Свете с большой выгодой. Началась настоящая «бобровая лихорадка».

Ирокезы, которые первыми поняли всю выгоду торговли мехами, стали требовать за них от бледнолицых не только «огненную воду», но и ружья, железные ножи и топоры, которые позднее станут известны всему миру как томагавки. Ирокезы рассуждали здраво – с помощью огнестрельного оружия можно покорить другие индейские племена, заставив побежденных платить им дань звериными шкурками. Ведь к середине XVII века ирокезы почти полностью истребили бобров на своих землях.

Французские поселенцы, которые и сами были не прочь поохотиться на бобров, начали вторгаться на земли ирокезов и строить там свои укрепленные торговые фактории. В бескрайних канадских лесах и на берегах Великих озер они столкнулись с индейцами, которые не испытывали большого желания уступать пришельцам свои охотничьи угодья.

Сначала французы попробовали добром договориться с конкурентами. Но потом они решили, что выгоднее будет вооружить враждебные им индейские племена

и натравить их на ирокезов.

Вскоре война между индейскими племенами охватила большую часть северо-востока Америки. Гуроны и могикане, которых поддерживали французы, совершали военные походы на ирокезов. А те в отместку совершали внезапные набеги на соседей и на французские поселения. Кончилось все тем, что Франция была вынуждена отправить в Северную Америку армейские части и начать с индейцами самую настоящую войну.

Британцы, вековые соперники французов, в свою очередь стали помогать ирокезам. Но в Канаде позиции Британии были еще слабы, и ирокезы потерпели поражение. Французы и их индейские союзники к концу XVII века заставили ирокезов пойти на мир с европейцами. В 1701 году в Монреале был заключен договор, по которому ирокезы отказались воевать против Франции, а добыча пушнины переходила под ее контроль. Но мир в этих лесных краях продержался недолго.

19 июня 1754 года отряд английской колониальной милиции под командованием Джорджа Вашингтона вступил в перестрелку с французами. Будущему первому президенту США выпала честь начать Семилетнюю войну. Правда, основные боевые действия велись на территории Старого Света.

Как ни странно, поводом для вооруженного противостояния между Британией и Францией стали все те же бобровые шкурки. Дело в том, что к тому времени цены на пушнину в Старом Свете резко пошли в гору. Городское население там росло одновременно с благосостоянием среднего европейского бюргера, и потому им требовалось все больше и больше мехов для повседневной одежды.

Но к тому времени основную часть бобров на территории до Аппалачей уже успели истребить, а поэтому нужно было осваивать более удаленные земли, чтобы обеспечить растущий спрос. Для этого надо было не только контролировать прибрежные земли, но и держать фактории внутри страны. Наиболее перспективной для этого территорией была Канада. Формально она принадлежала Франции, но метрополия довольно прохладно относилась к своей заморской колонии, хотя там и проживало более 60 тысяч ее подданных.

В своей войне против Франции Британия могла опереться на силы ополчения, которые были сформированы в тринадцати ее североамериканских колониях. В

ходе войны обе стороны традиционно активно использовали индейцев, а также европейских поселенцев, которые жили на пограничных территориях.

Бледнолицых, охотившихся на бобров и других пушных зверей, называли «трапперами» – от английского слова trap – «ловушка». Эти люди жили на землях, которые официально принадлежали Англии или Франции, а на самом деле фактически оставались бесконтрольными. Трапперы промышляли не только охотой, но и продажей скальпов, снятых с индейцев. Причем британское правительство платило не только за скальпы воинов, но также и за скальпы детей и женщин.

Часто трапперы собирались в «бригады», состоящие из двух-трех десятков человек, и отправлялись в дальний поход, осваивая еще неизвестные для европейцев земли. Далеко не все из них возвращались в свои фактории. Ведь и индейцы любили добывать скальпы бледнолицых. Да и природа в тех краях была суровая, и в диких лесах, полных хищными зверями, могли выжить только опытные и храбрые люди. Трапперы очень ярко описаны Фенимором Купером в его романах о Зверобое и Чингачгуке.

Эти люди и стали основной ударной силой в войне Англии с Францией. Из них формировали колониальную милицию, и многие ее командиры впоследствии возглавили войска восставших жителей североамериканских колоний Британии, и в конечном итоге добились независимости от метрополии. Вспомним того же Джорджа Вашингтона. Франция к тому времени была экономически ослаблена и находилась на пороге революции. И потому она не смогла оказать действенную помощь подданным в далекой Канаде.

После начала Семилетней войны англичане отправили в свои заморские колонии восемь тысяч солдат и провели мобилизацию среди жителей приграничных с Французской Канадой территорий. В ходе боевых действий, где вместе с европейцами яростно сражались с обеих сторон и индейские племена, англичане нанесли ряд чувствительных поражений французам. А когда в битве при Квебеке они окончательно разгромили французов, то по мирному договору 1763 года Британия присоединила к своим колониальным владениям всю Канаду.

Вот тогда-то трапперы развернулись по полной. На север и запад сотнями уходили отряды охотников за бобрами. С индейцами они уже не церемонились, считая, что добывать скальпы краснокожих не менее выгодно, чем шкурки

бобров. Если же трапперы встречали организованное сопротивление индейских племен, то тогда им на помощь приходили регулярные британские части. Трапперы истребляли одинаково активно и бобров, и индейцев. Сам же бобровый промысел стал еще более масштабным.

А еще через несколько лет капитаны и полковники из американской армии, которых британцы на свою голову обучили воевать против регулярных французских частей, сами разбили «красных мундиров» и провозгласили создание независимых Североамериканских Соединенных Штатов.

К XIX столетию владения нового государства – САСШ – раздвинулись до Скалистых гор. Оказалось, что там тоже водятся бобры, которых почти полностью уничтожили в Канаде. Молодое государство нуждалось в деньгах, и потому в Вашингтоне решили направить многочисленные экспедиции в горы за мехами.

Трапперы не всегда возвращались назад с добычей. Так, в 1817 году из 117 охотников, которые вышли в горы, только 21 вернулся живым. Но количество желающих разбогатеть не уменьшалось: до начала Калифорнийской «золотой лихорадки» в 1848 году добыча бобров была основным стимулом по освоению Колорадо и нескольких других штатов США. Эта же причина привела к войнам с местными индейцам, которые уже прекрасно знали, что несут им бледнолицые, и потому просто убивали всех встретившихся им охотников за бобрами. Именно для защиты трапперов была построена система фортов, которые стали форпостами для продвижения новых поселенцев через горы и последующего заселения Калифорнии. А там трапперы столкнулись с русскими охотниками за бобрами – речными и морскими – представителями Российско-Американской компании...

12 июня 1755 года. Долина реки Сасквеханны. Эбenezер Джейкоб Скрэнтон, скаут отряда генерала Эдуарда Брэдока

– Значит так, парни. Попробуем отловить какого-нибудь индейца. Если их будет больше, то всех, кроме одного, прикончим. Один мне нужен живым.

– То есть как – прикончим? – неожиданно вскипел молодой Джонни Оделл. – Разве можно так поступать? Ведь Господь их создал точно так же, как Он создал

нас с вами. И мы не имеем права забирать жизнь даже у дикарей, если они ни в чем не виноваты, и не наши враги.

Вот, значит, как заговорил этот юнец! Надо немедленно прекратить эти разговоры! Я сделал знак, и мои ребята шустро скрутили слегка обалдевшего Оделла, сунули ему в рот кляп и привязали к серебристому стволу молодого бука. Я проверил путы – сделано качественно, развязаться он не сможет, но рубцов они не оставят. Мои ребята знали свое дело и под веревки подсунули носовой платок, который достали из кармана этого недотепы. А потом, даже если Оделл пожалуется Брэддоку, ну и что с того? В этих местах других скаутов он не найдет, а посылать за новыми у него просто не будет времени.

Я придвинулся к молодому хирургу и внимательно посмотрел ему в лицо. Через пару минут тот отвел глаза.

– Слушай, ты, молокосос, – сказал я тихо, но стараясь говорить так, чтобы мой голос звучал как можно убедительнее. – Я ж тебя предупреждал, что здесь все мои распоряжения – закон. Так что у тебя будет время подумать. Хэйз, Грант, Джексон и... Вильсон – да, Вильсон – вы остаетесь здесь. Хэйз – за начальника. Можете развязать этого, – я показал на Оделла, – часа через два, но только если он пообещает хорошо себя вести и больше не перечить старшим. Остальные – за мной!

Мы находились в лесу, который рос на холме над рекой Сасквеханна, в предгорьях Голубого Хребта Аппалачей, на земле, принадлежавшей Мэриленду. Хотя на нее претендуют и французы, и Пенсильвания, и Виргиния, и даже Коннектикут. Именно эта неопределенность и явилась причиной того, что тут практически не было белых людей, разве что изредка появлялись трапперы и скупщики шкурок у краснокожих. Ну это пока.

Два года назад до Виргинии дошла весть, что в землях за Голубым Хребтом появились французы, которые начали строить форт у слияния рек Аллегени и Мононгахелы. Эту землю своей считали и Виргиния, и Мэриленд, и Пенсильвания. Но именно Палата бюргеров Виргинии – так именуется их парламент – решила послать к лягушатникам миссию с требованием немедленно очистить земли, принадлежащие Виргинской колонии. Главой миссии назначили молодого Джорджа Вашингтона, которому тогда было всего двадцать один год (да и сейчас ему лишь двадцать три), но чей отец был одним из лидеров Палаты Бюргеров.

А за несколько недель до этих событий ко мне явился некто, назвавшийся Антони Меркелем из поселка Монокаси, расположенного на севере Мэриленда. Точнее, на севере тех территорий, чью принадлежность к Мэриленду никто не оспаривал. Меркель говорил с ярко выраженным немецким акцентом, но довольно бегло, так что понять его не составляло большого труда. И, как обычно бывает с приезжими с его родины, он сразу же взял быка за рога.

– Герр Скрантон, видите ли, к северу от нас, на реке Сусквеханна, – он именно так произнес мое имя и название реки – правильно, конечно, «Скрэнтон» и «Сасквеханна», – находятся земли, которые интересуют определенную группу... ну, скажем так, инвесторов. Единственное препятствие – это индейские племена, населяющие эти земли.

– Сасквеханноки, вы хотите сказать, – усмехнулся я. – И у них есть огнестрельное оружие, хоть и устаревшее, но зато его много. Да и физически эти парни чертовски сильны. И они вам очень мешают, я правильно вас понял?

– Именно так, герр Скрантон. Нам рассказывали, что у вас есть... скажем так, определенные методы работы с ними. Мы понимаем, что вы не сможете уничтожить их всех, но если вы их сильно проредите, то мы готовы вам заплатить...

Сумма, предложенная им, была не очень большой, но я сумел увеличить ее примерно втрое, после чего потребовал задаток у Меркеля в размере половины оговоренной цифры и пообещал, что результаты будут видны не позднее следующего лета. Выдвигаться я собирался следующей весной, как только сойдет снег.

Но тут ко мне пришел посыльный от мистера Вашингтона с предложением для моей группы поработать у него скаутами, причем немедленно.

Мы довели его до слияния рек, после чего он сообщил нам, что пока остается здесь и более в наших услугах не нуждается. Оговоренную сумму он заплатил нам в полной мере, и даже добавил процентов двадцать. Да, этим южане выгодно отличаются от северян – особенно янки из Новой Англии – те за лишний пенни удавились бы.

Мы же решили, что пока в горах еще не выпал снег, следует заняться нашим вторым контрактом. В пирогах, купленных у местных индейцев, мы поднялись вверх по Аллегени, Конемаух и далее по ее притокам, перетащили пироги волоком через Голубой Хребет и спустились по ручьям и речкам до Сасквеханны и далее в те места, на которые нацелились мои заказчики.

С местными индейцами я был достаточно хорошо знаком; ранее у них всегда можно было выменять бобровые шкурки. Только вот в последнее время некто Джон Харрис, поселившийся недалеко отсюда, перебил мне всю торговлю. Да и бобров в последнее время становится все меньше. Уже лет пять они торгуют в основном белками и куницами... Так что мне их совсем не было жалко. Я бы не сказал, что хороший индеец – это мертвый индеец[26 - Эту фразу на самом деле придумали газетчики после того, как генерал Филипп Шеридан на переговорах с индейцами в 1869 году, когда вождь Тосави представился как «Тосави, хороший индеец», ответил: «Все хорошие индейцы, которых я когда-либо видел, были мертвы».], иногда они тоже бывают полезными, но эти уже стали абсолютно лишними.

Язык сасквеханноков я более или менее понимал – он был похож на языки ирокезских племен. А язык мохоков, одного из них, я неплохо знал с тех пор, как вместе с дядей промышлял торговлей шкурками, покупаемыми у индейцев в верховьях Гудзона. Мама у меня голландка, из уважаемого рода, а дядя был своего рода черной овцой семьи. Именно он научил меня, как нужно заражать одеяла и платки оспой. Когда же шкурки в тех краях стали редкостью, мы подрядились «очистить» один район от индейцев.

Дядя выменял у них несколько оставшихся шкурок на дюжину одеял, красивых цветных платков, и через пару месяцев нам оставалось только перебить немногих выживших после болезни. Мы с дядей несколько лет до того переболели оспой, после которой у нас осталось лишь по несколько рябинок на лице, так что эта страшная болезнь для нас уже была не опасна. Потом, конечно, у тех, кто там поселился, тоже началась оспа – но ведь дядя посоветовал им сжечь длинные дома индейцев, а они, судя по всему, сначала в них залезли из любопытства. Но это уже не моя проблема, хотя заказчиков с тех пор я исправно об этом предупреждаю.

И вот сейчас, когда генерал Эдвард Брэддок пошел в поход против французов, а адъютантом назначил моего старого знакомого Вашингтона. Последний же убедил его взять в качестве скаутов мою группу. Деньги генерал предложил

намного меньше, чем некогда Вашингтон, но наш маршрут проходил по долине Сасквеханны, через Монокаси. Я договорился с Брэддоком, что встретимся мы именно в этом поселке – дорога туда шла по «цивилизованным» местам, и в моем присутствии до того момента он не нуждался, – а сам направился в Монокаси.

Меркель и его приятели встретили меня чуть ли не в штыки. Да, деревни полностью обезлюдели, но когда туда поехали первые группы немецких колонистов, то многие умерли от оспы, а других навели непонятно откуда взявшиеся индейцы с ружьями и попросили белых убраться. Насчет первого я ему напомнил, что заранее предупреждал, чтобы никто не заходил в длинные дома. А вот касательно второго, предложил ему разобраться с оставшимися, но за сумму, в три раза превышавшую ту, которую мне платил Брэддок. Немцы, как я заметил, еще более прижимисты, чем янки, но в данном случае у Меркеля не было выбора. Тот, понятно, заныл, почему, мол, так дорого, на что я ему ответил – теперь с индейцами нам придется воевать, и возможны жертвы, в том числе и с нашей стороны.

Он, причитая, мол, откуда деньги у бедного шваба, но в конце концов согласился на удвоенную сумму (я вообще-то рассчитывал на полуторную), и мы расстались довольными друг другом. А через день я увидел длинную колонну людей в красных мундирах, разбавленную колонистами в менее заметной форме – это были люди Брэддока.

Генерал действовал методично – вдоль всего маршрута движения прорубалась просека, именуемая «дорогой Брэддока», поэтому скорость прохождения его отряда была небольшой. Мы же занимались разведкой дальнейшего маршрута, по дороге вырезав одну полувымершую деревню краснокожих. А примерно через неделю Брэддок вызвал меня к себе и познакомил с Джонатаном Оделлом. Он сказал, что это молодой хирург ко всему прочему еще и натуралист, и ему очень хочется описать природу наших новых территорий для науки. А еще он родственник то ли самого Брэддока, то ли кого-то из его офицеров – я точно не помню.

Последний аргумент был решающим – на него у меня возражений не было и быть не могло. Конечно, мне было ясно, что нужно тщательно следить, чтобы у Оделла с головы даже волос не упал. Впрочем, до сегодняшнего дня он и так смотрел мне в рот. Одно мне не понравилось с самого начала – оказалось, он решил в ближайшем будущем забросить медицину и пойти учиться на

священника. Мол, у него было видение, в котором ему явился Сам Господь и объявил, что от него и других «избранных» зависит, чтобы все индейские племена приняли Господа нашего Иисуса Христа как своего Спасителя[27 - Пуритане считали, что Господь посылает каждому, кто спасется, видения; человек, не удостоившийся такого видения, никогда не спасется. Оделл вырос в пуританской семье, но перешел в англиканство, когда учился в колледже.]

Я всегда считал, что университетское образование – штука вредная. А этих университетов и без того расплодилось, как кроликов – теперь вот и в Нью-Йорке появился Королевский Колледж. Оделл же год назад закончил недавно созданный Колледж Нью-Джерси в Ньюарке. И такое чудо свалилось на мою голову...

Начерченный на выданной нам карте маршрут мы вчера разведали, место для следующего лагеря определили, так что сегодня было самое время поискать деревню, с которой нам предстояло разобраться. И сегодня с раннего утра я забрался на ближайший холм и стал осматривать окрестности через подзорную трубу, «позаимствованную» мною когда-то у одного из офицеров Вашингтона, который потом благополучно заболел оспой и скоропостижно скончался.

Где-то там, за одним из холмов, я увидел дымы. Ветра не было, и они поднимались строго вверх, причем их было три ряда. Сие означало только одно – это длинные дома, то есть перед нами поселок либо ирокезов, либо сасквеханноков. Вполне вероятно, что сюда пришло одно из племен с севера (вот это было бы весьма нежелательно – в отличие от сасквеханноков, их родичи намного более воинственны и намного меньше доверяют белым), либо переселились те, кто переболел оспой, и тогда фокус с одеялами уже не пройдет.

Ну что ж, в обоих случаях придется действовать по жесткому варианту. Если их мало, то мы, смею надеяться, их уничтожим. Если же их много, то я расскажу Брэддоку, что дикари напали на нас, и воспользуюсь «услугами» моего работодателя. Но сначала неплохо было бы узнать, кто они и сколько их.

Под моим началом было четырнадцать человек – все, как и я, из «индейских трейдеров». Плюс одна паршивая овца – этот полоумный Оделл. Ну ничего, пусть побудет пару часиков привязанным к дереву – может, это вправит ему мозги. А ребята проследят, чтобы с ним ничего не случилось. Для разведки же десяти человек вполне хватит.

Махнув рукой четверке, остававшейся с Оделлом, мы растворились в лесной чаще.

12 июня 1755 года. Долина реки Джуниаты, недалеко от ее впадения в Сасквеханну. Кузьма Новиков, он же Ононтио

О-о-х, как бок болит! Просто мочи нет, болит, словно мне кто-то ребра из груди выдирает! Это ж надо, как меня угораздило! Помру я, наверное, навсегда останусь в стране этой чужой, так и не увидев больше родную землю. Старики рассказывали мне, что когда человек умирает, то перед ним проходит вся его жизнь. Вот лежу я сейчас и слышу, как птички надо мной щебечут. И вспоминается мне озеро Шерегодро, возле которого я родился. Там тоже птички щебетали, и лес тоже был большой. Но не такой, как на земле этой, Америкой называемой.

Село наше – Кончанское – принадлежало царевне Елизавете Петровне, дочери императора Петра Алексеевича. А сам я из карел, или ливгиляйне, как мы себя называем. Бабка Настасья мне рассказывала, что когда-то предки наши жили далеко от тех мест, у Ладожского озера, которое похоже на море.

Только вот случилось так, что царю Михаилу Федоровичу после большой войны пришлось отдать те земли шведам. Карелы же решили не оставаться под лютеранами и ушли на юг. Поселились они на Новгородской земле. Мы, ливгиляйне, всегда хотели жить рядом с русскими – нашими братьями по вере православной.

Вот так я и стал русским, хотя хорошо помню рассказы бабки Настасьи про нашу родимую землю, про скалы и озера Карелии. Язык наш я тоже помню, только чаще мне по-русски говорить приходилось. Эх, как давно это было!

Когда же мне исполнилось семнадцать годков, староста отправил меня в Петербург, в услужение ко двору царевны Елизаветы Петровны. Только какой там был у нее двор – царевна жила бедно, скромнее иных графьев или баронов. Не жаловала ее царица Анна Иоанновна, шпыняла, все грозилась в монастырь отправить.

Одно только хорошо было – добрая была дочь царя Петра Алексеевича, не обижала слуг своих понапрасну. Да и простого народа не чуралась. Помню, как у нее в друзьях любезных был унтер-офицер Семеновского полка Алексей Шубин. А потом по приказанию суровой императрицы Анны Иоанновны его болезного били плетьюми и сослали на край земли, на Камчатку. Другой же ее дружок был и вовсе из простых казаков малоросских – певчий Алексей Розум. Не знаю почему, но царевне Алексеи всегда нравились.

И хотя меня не Алексеем звали, только царевна и меня тоже полюбила. А что, парень я был видный – высокий и сильный. Да и нравом был веселый, песни пел душевные, плясал хорошо. Царевна же сильно скучала по Алексею Шубину. И вот заметил я, что дочь царя Петра стала поглядывать на меня как-то так, внимательно и задумчиво.

Стала меня Елизавета Петровна привечать – здоровалась со мной по имени, на праздники гостинчики присылала. К делу меня приставила – начал я помогать кузнецу, который работал на Смольном дворе – там жила царевна в Девичьем дворце, который велел для нее построить отец Елизаветы Петровны – царь Петр Алексеевич.

Кузнечное ремесло мне нравилась. Силушкой меня Господь не обидел, да и, махая тяжелым молотом, не раз вспоминал я кузнеца Илмаринена, выковавшего волшебную мельницу Сампо. О нем рассказывала мне бабушка Настасья.

– Учись полезному делу, Кузьма, – не раз говаривал мне мой наставник, дядька Игнат. – Руки твои умелые всегда тебя прокормят.

И действительно, наука его мне потом не раз пригодилась.

Да, так вот, как-то раз, на Ивана Купалу, когда девки и парни песни вместе поют, хороводы водят и через костер прыгают, царевна взяла меня за руку и потащила на речку.

Эх, молодой я был, да и она была еще не старая, чуть больше двадцати ей было. А красивая какая! Высокая – два аршина и восемь вершков[28 - 180 см.], глаза голубые – шальные, волосы золотые, по плечам распущены, как у русалки. Нос, правда, курносый, только у наших карельских девок, считай, через одну такие же носы. Кожа же у царевны была белая, как снег, и бархатная, мягкая. Откуда

я это знаю?

А вот знаю... Потому что от смеха ее серебряного, дыхания жаркого, запаха волос ее шелковых я словно с ума сошел. Словом, забыл я, что она дочь царская, а я мужик простой. И произошло у нас то, что между молодыми парнями и девками порой бывает.

Ох, как мы с ней любились тогда. Душа у меня на небо улетала, а от восторга грудь сжимало. А Лизонька обнимала меня руками своими горячими, да нежно в ухо шептала, целовала меня сладко... Так мы с ней до утра под тем кустом и пролежали, все любились и миловались.

Сейчас же я лежу один под другим кустом и жду, когда смерть моя за мной придет. Нет, видно, не видать мне больше родной сторонутки. А так хочется хотя бы раз ее увидеть...

Любовь же наша с царевной закончилась быстро. Нет, ни я ее не разлюбил, ни она меня. Просто нашлись соглядатаи подлые, которые прознали о наших с ней прогулках вдвоем в роще и донесли о них царице Анне Иоанновне. Правда, та не стала ссылать меня на край земли, как Лешку Шубина. Просто однажды пришел человек из царского дворца и объявил Елизавете Петровне, что, дескать, негоже, что такой крепкий парень у нее в холопах отсиживается, тогда как государево войско с супостатом воевать собирается. И забрали меня рекрутом на службу. Так стал я моряком.

Точнее, не простым моряком, а корабельным кузнецом и плотником. На кораблях военных люди такие всегда в большом уважении были, даже офицеры с ними советовались, как корабль поправить, что можно сделать, чтобы он целым и невредимым до родной гавани дошел. Кузнечное дело к тому времени я уже знал хорошо, ну, а плотницким делом мы, новгородские, почитай, сизмальства владеем.

А тут, как на грех, случилась замятня в Польше, где умер старый король, а новых королей местные магнаты выбрали сразу двоих. Одного – Станислава Лещинского – поддерживал его зять, французский король Людовик. А за второго – сына покойного короля Августа Саксонского Фридриха – была наша царица, Анна Иоанновна. Чтобы посадить на польский престол этого Фридриха, в Польшу вошли наши войска. В Данциге же хотел было высадиться французский десант,

чтобы поддержать короля Станислава. Но наши солдаты во главе с генералом Минихом заставили французов убраться восвояси.

Меня же, когда все это началось, отправили послужить России-матушке. Попал я на 32-пушечный фрегат «Митау», которым командовал капитан полковничьего ранга Петр Дефремери. Хороший он был человек, хоть француз и папист. Матросов не обижал, с офицерами ладил. Только не повезло ему тогда, да и нам с ним заодно.

В начале лета 1735 года фрегат наш оказался неподалеку от Данцига в окружении сразу четырех больших военных французских кораблей. Уже стемнело, и уйти от противника вдоль берега было опасно. Места там мелководные, и можно было запросто выскочить на песчаную косу. Там бы нам и конец пришел – расстреляли бы нас французы из пушек. Капитан Дефремери созвал офицерский совет, на котором было решено, что раз Франция и Россия не воюют, то, значит, и опасаться особо нечего. Ведь захват нашего фрегата будет сравни пиратству. К французам послали с запиской от нашего капитана мичмана Войникова, но обратно он так и не вернулся.

А вместо него к нам на шлюпке приплыл французский офицер, который сказал, что капитану их адмиралом велено, чтобы Дефремери немедленно прибыл на флагманский корабль французской эскадры. Наш командир сказал, что он когда-то служил вместе с адмиралом Берейлом, который командовал французской эскадрой, и думает, что сможет договориться с ним, и все закончится миром. Только вышло все по-другому. Французы арестовали капитана Дефремери, а с их кораблей спустили шлюпки и захватили наш фрегат, объявив его призом. Повели они нас в Копенгаген – есть в Дании такой город. Вот так я и попал в неволю.

Правда, продержали наш «Митау» и его команду в плену недолго. Как я узнал потом, уже через месяц наши вернули французам их пленных, а они – наших, да и сам фрегат в придачу. Только меня уже с ними не было.

Дело в том, что я сбежал из плена. Ну не нравится мне быть в неволе, чай я не чижик какой, чтобы сидеть в клетке и песни распевать. Да еще французские солдаты – они такие наглые оказались. Все норовили толкнуть, когда идешь мимо них, и при этом смеялись тебе прямо в лицо. Ох, как хотелось ударить кого-нибудь из них прямо в рожу! Но приходилось терпеть – ведь они с оружием, а ты без. Убьют и за борт выкинут.

В общем, как-то раз ночью вышел я на палубу и увидел, что караульный солдат спит на посту, прислонив свою фузею к мачте. Потихоньку спустился я по трапу, сел в лодку, отвязал канат и был таков.

Потом долго бродил по порту, где таких же, как и я, моряков было полным-полно. И неожиданно услышал знакомую речь – кто-то кого-то спрашивал по-фински о том, какая завтра будет погода, и откуда будет дуть ветер.

Финский и карельский языки похожи. Я подошел к морякам и заговорил с ними. Они оказались матросами со шведского торгового корабля, который направлялся в Квебек – это город такой в Новом Свете. Шведы везли туда железо, а назад собирались загрузиться мягкой рухлядью – шкурками бобров, выдр и других зверей. Финны, которых звали Пекко и Микко, предложили мне отправиться вместе с ними в Новый Свет.

– Послушай, вейкко[29 - Братец, приятель (фин.)]- говорил мне Пекко, – так оно лучше будет. Сделаешь с нами пару рейсов, денег заработаешь, да и война к тому времени кончится. А, может, и насовсем там останешься – я слыхал, что в Америке этой живется легко и весело...»

Да, весело... Увы, прав оказался Пекко – видно, действительно в Америке этой я навсегда и останусь.

Бок болел все сильнее и сильнее. Кровь вроде больше уже не текла из раны, но я чувствовал, что силы меня покидают. Надо как-то добраться до дома. Только бы дождаться темноты. Эти разбойники, что меня подстрелили, к ночи вряд ли сюда вернуться...

Корабль наш дошел до Квебека благополучно. Правда, попали мы по дороге в сильный шторм, думали, что пойдем ко дну, только Господь смилостивился, и море успокоилось. Как оказалось, в Квебеке жили французы – такие же, как те, от которых я сбежал в Копенгагене. Только здесь они были попроще, да и нос перед нами не задирали. А вот англичане...

Из-за них-то я и остался в здешних краях. Разгрузили мы корабль и стали ждать, когда наш капитан сторгуется с местными купцами и наберет товару на обратную дорогу. А мы с Пекко и Микко отправились в местный кабачок, чтобы выпить стаканчик-другой рома. Эх, зря мы туда пошли...

Сидели мы втроем за столом, пили, разговаривали. Тут к нам и прицепился пьяный английский моряк. Морда у него была красная, видно, он уже давно бражничал. Чем-то ему Пекко не понравился. Сначала он бранился дурно – я уже начал понимать немного по-французски и по-английски – а потом взял, да и ударил Пекко по лицу.

Ну, тут и началась драка. Англичане полезли на помощь к своему, а за нас заступились французы – они страсть как англичан не любили. Этот краснорожий выхватил нож и на меня кинулся. А я взял да приложил его оловянной кружкой по голове. Да, видно, перестарался. Силушки у меня было много, да злой я был на этого драчуна. Словом, англичанин тот с ног свалился, да и сразу помер.

Тут стражники местные прибежали, но французы, которые с англичанами дрались, не выдали меня, а, наоборот, помогли из города бежать. А один охотник за бобрами, Жаком его звали, с собой взял, сказав, что пока все это дело не забудется, мне лучше бы в лесу пожить, от людей подальше. Потом можно будет вернуться в Квебек и наняться на корабль, идущий в Европу. Оттуда же и до России рукой подать...

Добрались мы с Жаком до хутора, на котором жили дикие люди, индейцами называемые. Это я потом узнал, что они разные бывают и друг друга часто не понимают. А так, поначалу, мне они показались одинаковыми, все на одно лицо. И бабы у них – те, к кому я попал, их называли «иаконкве» – тоже на наших не похожи. Но среди них были молодухи ничего, на лицо пригожие.

Узнал я и как племя именуется, в которое меня Жак привел. Французы называли их «макуасами», сами они себя – «каниэнкехака», а если по-русски – «людьми кремня»[30 - По-русски это племя обычно именуется «мохоки», реже «могавки»]. Мужики у них были хорошими охотниками, но смотреть на них было страшно – головы выбриты, словно у каторжан, лишь клочок волос торчит. А как на войну идти, так еще и размалевывали себя красками страхолюдно. Воевать же они любили, нападали друг на друга, по поводу и без повода, чаще всего на таких же, как они, индейцев. Бились жестоко, а если в плен кого и брали, то мучили немилосердно.

Но меня они встретили хорошо. А когда узнали, что я в кузнечном деле понимаю, да и плотницкое знаю, так вообще зауважали. Даже жену мне нашли, правда, не девку, а бабу вдовую, с двумя детишками – парнем и девкой. Мужа ее медведь

задрал на охоте, так и жила она одна, без мужика, бедствовала. Сама она еще не старая была, моя ровесница, и на лицо пригожая. Белое Облачко ее звали. Красивое имя. А мне они тоже имя дали. Стали называть Ононтио – «огромный», «большой» на их языке. Я и вправду был выше их мужиков.

Вот так мы и начали жить с моей супругой невенчаные. Ведь где в лесу священника найдешь-то? Можно было, конечно, в Квебеке у кюре тамошнего повенчаться, только мне тогда в город лучше было не соваться. Да и не любил я папистов. Хотя были среди них и хорошие, душевные люди. Вон Жака взять. Он мне из Квебека инструменты кузнечные и слесарные привез, недорого взял. Я с ним шкурками рассчитался – вспомнил о самодельных ловушках, которые у себя в Кончанском делал. Стал их ставить, вот и пушнина появилась. Индейцы на них смотрели, удивлялись и лишь головами качали.

Стал я с женой своей жить-поживать, да добра наживать. Поселились мы отдельно, хотя тамошние индейцы живут все вместе в длинных домах – под одной крышей весь их род. Строят дом они всем скопом – созывают молодых парней и девок из селения. А за работу потом рассчитывались угощением. Работают они споро – день-два и дом готов. Правда, строили они дом не как у нас. Не рубили сруб, а ставили из дерева каркас и покрывали его корой. Селения их обычно состоят из одного-трех десятков таких домов, а то и больше. Хотя «люди кремня» и славятся храбрыми и воинственными, но свои деревни они на всякий случай огораживают высоким тыном.

Здесьние бабы хотя мужей и слушают, но власть в племени имеют большую. Без их совета вожди ихние ничего не делают. Без согласия женского мужики не могли объявить войну, а сын не мог пойти в военный поход без согласия матери. В мирное время у них самый главный в роду «сахем». Все сородичи стоят друг за друга, помогают, мстят за обиды. Только вот выбирает этих самых сахемов самая старшая из баб местных – таких «сахема» называют. Меня как бы приняли в род, но все равно посматривали косо. Наверное, потому что мы с моей женой жили отдельно. Я срубил избу, рядом устроил кузню, словом, хоть и со всеми, но как бы и сам по себе.

Родилось у нас двое детишек – сын и дочка. Я им русские имена дал: Андрей и Василиса. Но крестить их не крестил, хотя молитвам православным научил. Жили мы не тужили – я в кузнице работал, ножи ковал – индейцы за них много шкурок давали, оружие чинил, а если время было – на охоту ходил. Помню, как медведя на рогатину посадил. Мех у него оказался не такой, как у нашего, а

черный и гладкий. Правда, здешние медведи были поменьше наших и не такие злые. А Облачко мое – я ее Аграфеной называл – все по дому делала: еду готовила, одежду шила, детей нянчила. Здесь бабы все хозяйство вели: сажали маис – это трава такая высокая – с человеческий рост, а на ней в листьях колос с зернами крупными. Сажали они на огородах бобы и тыквы. Индейцы собирали этот маис и продавали французам. А вот мужики такой работы чурались. Они заставляли рядом с бабами в поле трудиться пленных. Еще они сок варили, который добывали из местных кленов. Когда начиналась варка, то селение становилось пустым – все уходило в лес, ставили там шалаши и вываривали сок.

А вот воевать и охотиться – это мужское дело. Ну, а если не было войны и охоты, то мужики рыбу ловили.

...Так я прожил в селении индейском лет пятнадцать. А потом пришла к нам беда, откуда не ждали. Начали в селении люди болеть. Сначала у них начинался жар, на коже появлялись пузыри, которые вызревали и лопались. Люди задыхались – у них нарывало горло, – а потом умирали. Болезнь эта страшная оспой называлась. Я помню, что царица Елизавета Петровна мне рассказывала, как от оспы этой умер ее племянник, внук императора Петра Алексеевича царь Петр II. Пятнадцатилетний парень где-то заразился и умер, хотя придворные лекари делали все, чтобы исцелить его.

Поговаривали, что оспе занесли к нам английские торговцы, которые продали в соседнем селении одеяла, в которые раньше заворачивали своих больных. А с этими одеялами и зараза передалась.

От этой проклятой болезни умерла моя жена и старшая дочка. Сыновья и младшая дочка, Бог миловал, не заболели. Да и я остался в живых, хотя за Аграфеной ухаживал до самой ее смерти. Помнится, бабка Настасья делала что-то, чтобы защитит меня от этой болезни. Кожу мне на руке разрезала и что-то в ранку втирала. Потом меня немного полихорадило, а ранка воспалилась. А через неделю все прошло.

А вот наши соседи почти все поумирали, а те, кто остался, разбрелись кто куда. И пришлось мне тоже уходить из селения, где я счастливо прожил столько лет. Решил я поселиться подальше от этого страшного места, где отдали Богу душу так много людей. Пошли мы на юг, но ни в одной индейской деревне нас не приняли: где просто прогоняли, а где и насилие над нами учинить хотели. Пару раз мы еле-еле отбились от них. Индейцы же кричали нам, что «люди кремня» –

их враги.

И вот, наконец, дошли мы до земель племени, которых соседние племена называли «сасквеханноками», а сами они себя – «конестога». У них почти все племя перемерло от той же болезни, а те, кто остался в живых, перебрался в новую деревеньку, в которой было всего четыре «длинных дома». По языку они были схожи с «людьми кремня», и когда я спросил у них разрешения остаться, их совет после долгого совещания нам дал на это разрешение.

Сасквеханноки были людьми рослыми и крепкими – каждый, считай, с меня ростом. Я еще подумал, что у них меня вряд ли назвали бы «Большим» или «Огромным»...

...Ох, совсем мне что-то плохо стало. Перед глазами плывет какой-то морок. Вроде тумана, но это не туман. И на дым не похоже. Что-то мелькает перед глазами, а что – не пойму. Голоса какие-то слышатся. Может, это Аграфена за душенькой моей пришла? Подожди, родная, скоро мы будем вместе, недолго мне мучиться осталось...

А ведь не старый я еще, да и детишки у меня остались. Они, правда, взрослые уже. Два сына – один родной, один пасынок. Старший уже воин, сильный и храбрый. Вот только жив ли он, Желтый Бобер... Он ведь со мной был рядом, когда по нам из кустов злодеи стрелять начали.

Мы никого не трогали, шли себе к месту, где в Сасквеханну впадает ручеек, на берегу которого у меня спрятано два каноэ, выдолбленные из ствола тсуги – местной сосны. А по реке мы собирались спуститься к фактории Джона Харриса[31 - Джон Харрис – историческая личность, на месте его фактории и возникла столица Пенсильвании – Harrisburg.], англичанина, недавно поселившегося на левом берегу Мутной реки[32 - Неизвестно, как Сасквеханну именовали сасквеханноки, но название Сасквеханна – из языка Ленапе, и означает Мутная река.]. Хотели мы у него обменять шкурки белок и лис – бобры-то в этих местах уже повывелись – на порох и свинец. У нас стрелять стало нечем, вот я и решил вместе с сыном и двумя молодыми воинами заглянуть к торговцу. Индейцев он, правда, случалось, обманывал. Но меня-то нет. Стреляного воробья на мякине не проведешь. Ан вот, как все вышло-то...

Идем мы, значит, по тропке, что вдоль обрыва стелется. Вдруг из кустов впереди: бах-бабах! И облачко порохового дыма вверх поднялось. Вижу, как воин, который впереди шел, взмахнул руками, и упал. Желтый Бобер – он тюки с мехами нес – уронил тюки и за грудь схватился. А третий воин, Скачущий Олень, крикнул мне, что уведет врагов, и стал карабкаться на скалу. У самого же кровь по руке течет – похоже, что и его пуля задела.

А потом снова кто-то выстрелил из кустов, и меня словно палкой по ребрам ударило. Ноги у меня подкосились, и полетел я с обрыва вниз.

Ох и летел я! Стукался о камни, кусты царапали мне лицо. Один раз так о камень боком ударился, что в глазах темно стало. Когда уже перестал вниз катиться, упал так, что руку подвернул. Сломал, похоже. Причем правую руку, так что я теперь с супостатами и сразиться не смогу – левой рукой делать это несподручно.

Полежал я чуток, потом собрал последние силы и отполз в кусты. Вовремя я это сделал. Слышу – разговаривают наверху. По-английски говорят, а что именно, никак разобрать не могу. В голове все шумит, да и английский язык я знаю не очень хорошо. Понял лишь одно, бандиты эти решали, что им делать дальше – спуститься и добить меня, или догнать индейца, который от них сбежал. Потом голоса затихли. Видно, они за Скачущим Оленем погнались. Только его не зря так называли – бегал он быстро, и так просто им его будет не поймать.

А солнышко высоко на небе – почитай, что полдень наступил... Видно, не дотерплю я до темноты – совсем мне худо вдруг стало. Провалился я куда-то, словно в яму темную. Свет у меня померк в глазах, совсем я сомлел.

И привиделось мне, что Аграфена вместе с бабушкой моей Настасьей идут вдвоем по зеленому лугу у нас на Шерегородо-озере, разговаривают о чем-то и смеются. Бабушка говорит по-русски, Аграфена – по-индейски, но друг друга понимают. А меня не видят. Значит, не время мне к ним на тот свет идти...

Очнулся я от того, что кто-то меня ворочает. Тихо так, словно старается мне больно не сделать. Открываю я глаза и вижу: стоят вокруг меня люди, одетые чудно. На индейцев не похожи, и на трапперов тоже. И не солдаты вроде. Только слышу, как они тихонько между собой переговариваются. ПО-РУССКИ ПЕРЕГОВАРИВАЮТСЯ!

- Господи, - пробормотал я, - неужто русские? Откуда вы здесь взялись-то?

И снова провалился в вязкую тьму...

Интерлюдия

Одна из стран Латинской Америки. 20... г. Капитан-лейтенант Хасим Хасханов, позывной «Самум»

Блок, на который они прикатили, больше напоминал собой маленький, хорошо укрепленный лагерь. Соответственно, и народу тут было человек сорок-пятьдесят, не меньше. Хас вышел из пикапа и поздоровался с командиром блока.

Тот выдал цветистое латиноамериканское приветствие, строча языком как из пулемета. Хас, чьи познания в испанском были гораздо скромнее, чем у его оппонента, был вынужден ограничиться фразой «Buenas tardes. Encantado de conocerte»[33 - Добрый день. Приятно с вами (букв. «с тобой») познакомиться (исп.)].

Им показали место, куда они могут поставить свою технику и где разместиться. Первым делом Хас расписал вахты и тут же выставил часового у техники. Офицеры втихаря ворчали, но зная Хаса, в открытую возражать не посмели. Впрочем, им здесь два-три дня побыть и назад, на Базу.

...Второй день принес им сюрприз прямо с утра. К Хасу подошел командир блока и через переводчика поинтересовался, нет ли у них сыворотки от змеиных укусов. Одного из его людей несколько дней назад укусила змея. Они ему кололи сыворотку, как им прописал их доктор, а сегодня выяснили, что она (сыворотка) у них кончилась. А колоть человеку надо.

Хас велел позвать своего медика, и у подошедшего Туриста поинтересовался, есть ли у них нужная сыворотка. Тот ответил утвердительно, но тут же изъявил желание колоть самолично. Так сказать, в целях тренировки. Тут Хас врубил «командира» и сказал, что колоть будет он. На что подошедшие Закат и Апач возразили, что в дружном пиратском коллективе так не делается. В итоге из восьми присутствующих офицеров каждый изъявил желание поднять свой уровень медицинской подготовки. Поскольку такое важное дело, как

определение лечащего врача, нельзя было пускать на самотек, решил подойти к нему серьезно и играть в «камень-ножницы-бумага».

В итоге выиграл Закат. Получив от Туриста шприц с вакциной, он направился к домику, где содержали покусанного. Остальная толпа дружно потопала следом, не желая пропустить это зрелище. Войдя в домик, Закат поинтересовался у переводчика, кто из трех латиносов, находившихся в комнатке, является больным. Чтобы, не дай бог, не перепутать и не вколоть драгоценную вакцину не тому. Тот пальцем указал на самого маленького из них. Невысокий, меньше 170 сантиметров ростом, латиноамериканец с ужасом смотрел на огромного (187 см) бородатого Заката и на толпу таких же здоровых бородачей за ним. Закат, который в Рязанском училище учил немецкий[34 - Тем, кто в двухтысячные годы выпускался из «два ку-ку» (Рязанского гвардейского высшего воздушно-десантного командного училища), это многое объяснит.], а в разведроту Тульской дивизии вообще ничего не учил, на ломаном «латиноамериканском» скомандовал пациенту:

– Ну ты, придурок, давай, поворачивайся, шнелль, сейчас буду тебе укол делать. Алес вирд гут, кейне сорг[35 - Всё будет хорошо, не беспокойся (лом. нем.)]. Быстро тебе жопу продырявим и ман мусс эссен либер махен унд шнапс дринкен[36 - Нужно есть, заниматься любовью и пить шнапс (лом. нем.)].

Для убедительности он ладонью одной руки несколько раз с силой ударил сверху по кулаку второй, изображая, как ему казалось, процесс производства укола.

Однако маленький латинос усмотрел в жестикуляции Заката совсем другой процесс, потому как он отпрыгнул в самый дальний угол и прижался жопой к стене.

– Ты чего, болезный? – не понял его телодвижений Закат. – Ну-ка комм, леген вир унс хин унд фикиен ниht майн гехирн[37 - Сюда, ложимся и не трахаем мой мозг (лом. нем.)].

– Ты неправильно ему говоришь, – подсказал ему из-за спины давящийся от смеха Хас. – Ему надо сказать: «Каброн, но прубес ми пасиенсия и те вуэлвас локо»[38 - Козёл, не испытывай моё терпение и сойдёшь с ума (исп.). Вообще-то Хас имел в виду «no te vuelvas loco» – «не сойдёшь с ума»...].

– Эй ты, каброн, – дисциплинированно повторил Закат. – Ну, ты, это... в общем, ты слышал... давай делай, как тебе сейчас только что сказали. – И он ткнул пальцем себе за спину, в направлении Хаса.

На беднягу жалко было смотреть. Он разразился быстрой непонятной речью минут на пять, в конце монолога сорвался на визг, а потом вообще заплакал.

– Чего это он? – недоуменно спросил Закат, поворачиваясь к переводчику.

– Он считает, что вы его сейчас хотите использовать как женщину, – пояснил тот. – А он этого не хочет. Он считает, что вы хотите воспользоваться его болезнью и сделать его своим... как это сказать... своим женой.

– Обалдел, что ли? – начал накаляться Закат. – На хрен он мне нужен, у меня дома жена есть. В общем, давай, талдычь ему, что я просто укол сделаю и все. Ничего больше.

Переводчик и больной вступили в длительную дискуссию между собой, в ходе которой переводчик пытался убедить своего оппонента, что это всего лишь доктор с бригадой «скорой помощи». А тот резонно возражал, что для укола достаточно и одного человека, к чему вся эта толпа? Путем длительных высоких переговоров стороны пришли к тому, что в помещении останется только Закат, а остальные будут наблюдать из коридора. Ложиться больной не будет, укол ему сделают стоя, причем для укола он спустит штаны только на одной булке и только чуть-чуть, чтобы иголка вошла. Закат, уставший от этой китайской дипломатии, как только пациент замер в позиции «сломанной березы», подошел, всадил шприц, как нож в тушу, быстро ввел сыворотку, отвесил пациенту леца и вышел на улицу, сунув в зубы сигарету. Подошел и встал рядом Хас, так же прикуривший местную продукцию табачной индустрии. Щурясь на солнце, он задумчиво сказал:

– Жаль, что у вас в Рязани испанский не учили...

– Меня здесь и на немецком прекрасно понимают, – ничтоже сумняшеся ответил Закат.

Где-то и когда-то. Капитан 3-го ранга Хасим Хасханов, позывной «Самум»

Дав отдохнуть восемь часов, Хас поднял группу. Все, у кого были на руках джиперы, сверили показания. У всех стояло на экране примерно одно и то же. Не было сомнений, что джиперы залипли. Север, который с утра пытался выйти на ОДС со штабом отряда, только удрученно разводил руками. Хасим за ночь так и не нашел ответа, что его беспокоит. Что-то неправильное было во всей этой ситуации. Хасим пока не находил ответа, что именно. И раненый... В нем тоже было что-то неправильное... На Кавказе уже сто лет не носили одежду из выделанных шкур. Жители одевались по-городскому, а «духи» – по-военному. То, что видел перед собой Хасим, напоминало ему охотника или траппера времен освоения Дикого Запада. Хасим, а точнее его отец, собрал полные собрания сочинений Фенимора Купера, Карла Мая, Луи Буссенара, Майн Рида и Луиса Ламура. Хас очень любил истории про индейцев и смотреть вестерны, особенно «спагетти»[39 - Спагетти-вестерн – итальянский вестерн.].

Но одно дело читать и смотреть, другое дело столкнуться вживую. Может, это отшельник какой? Люди периодически уходили в горы, либо искать какого-то просветления, либо просто устав от мирской суеты... Но опять же, одежда? У них она другая. Ладно, придет в себя – разберемся. А пока – вперед!

Группа построилась в боевой порядок, Хас дернул одну пару из тыльника[40 - Тыльник – тыловой дозор.], Дарт отстегнул от рюкзака и развернул легкие складные американские носилки, которые группа скинулась и купила для своих нужд. На носилки уложили раненого, спереди взялись парни из командирского «ядра», сзади – пара из тыльника. Группа начала движение.

Вдруг дорогу перешел – не перебежал, а именно степенно перешел – какой-то зверек, похожий то ли на байбака, то ли на огромную располневшую белку с коротким хвостом. Он посмотрел на Хаса, смешно повел носом и растворился в тумане с другой стороны тропинки. Хас мог поклясться, что никогда ранее таких не видел, но тем не менее у него появилось странное чувство дежавю.

Через некоторое время туман начал рассеиваться, и офицеры потихоньку начали наблюдать зеленые деревья вокруг, кустарники, траву и вообще, окружающий пейзаж. И через какое-мгновение от Лени пришла команда «Стоять! Наблюдать», а через секунду «Командира в голову». Хас направился к Лене. Подойдя к нему, он увидел, что головняк сидел в круговой, а Леня недоуменно озирался.

- Что там? – тихонько спросил Хас.

- Это не тот лес.

- Что?!

Хаса было очень тяжело удивить или вывести из себя. Обычно он был крайне невозмутим. Но сейчас Лене удалось совершить невозможное.

- Что значит «не тот лес»?

- Посмотри сам, – Леня обвел рукой вокруг.

Действительно, они были в лесу, но это был уже совсем другой лес. Другие деревья и растения вокруг, другой пейзаж, даже воздух другой... Природа вокруг неуловимо изменилась. И Хас готов был поставить свою годовую зарплату на то, что это был точно не Кавказ. А странное животное – он вдруг вспомнил – было точь-в-точь похоже на Фила из «Дня сурка». Он перевел взгляд на Леню и чуть наклонил голову.

- Ладно. Направление движения примерно помнишь?

Леня кивнул.

- Вот так и веди. Но не торопись, потихонечку, с оглядкой. А я пойду думать.

Хас развернулся и зашагал обратно, к ядру.

12 июня 1755 года. Долина реки Сасквеханны. Кузьма Новиков, он же Ононтио

Не помню, сколько я провалялся без памяти. Но очнулся от слов, сказанных по-русски:

- Командир, как ты считаешь, откуда это чудо здесь появилось?

– Ума не приложу... Поначалу думал, что это какой-то реконструктор шальной, решил в Чингачгука поиграть. Только что-то тут не вяжется. Ну не похож он на любителя экстрима, который, надев мокасины и леггинсы, начинает размахивать томагавком и звать всех на тропу войны.

– Кто же он тогда?

– А вот давай у него прямо и спросим. Видишь, он очухался – хотя глаза и не открывает, но слышит, о чем мы тут с тобой говорим.

– Эй, мил человек, – надо мной склонился один из моих спасителей, – как зовут тебя, откуда ты родом?

Я открыл глаза и зажмурился от ярких солнечных лучей. Когда зрение мое восстановилось, я увидел стоявших вокруг меня людей в чудной одежде. И оружия, которое было у них, я тоже никогда раньше не видал. Но они спасли меня от неминуемой смерти, и я им был за это весьма благодарен.

– Кузьма я, Новиков, родом из Новгородской губернии, Боровичского уезда, Кончанской волости.

– Это там, где фельдмаршал Суворов в ссылке был? – спросил один из моих спасителей.

– Не знаю никакого Суворова, – ответил я. – А принадлежит село наше императрице Елизавете Петровне[41 - Кончанское стало принадлежать Василию Ивановичу Суворову – отцу великого полководца Александра Васильевича Суворова – лишь в 1763 году.]. Я же попал в плен к французам на фрегате «Митау». В Копенгагене сбежал от них, нанялся на шведский торговый корабль и отправился в Новый Свет в город Квебек. А потом стал жить среди индейцев. Много чего со мной случилось. Сегодня же какие-то тати напали на нас в лесу. Двух индейцев убили, один сбежал от них, а я вот получил пулю в бок, да и упал с обрыва вниз. Ребра болят, и рука вот... Совсем было с жизнью простился, да вот, слава Господу нашему Иисусу Христу, спасли вы меня. Теперь я ваш вечный должник...

Пока я все это говорил, мои спасители удивленно переглядывались между собой и пожимали плечами. По их лицам было видно, что они не верят ни одному моему слову.

– Клянусь, что все, что я вам рассказал – правда истинная. Крест готов в этом целовать. Ни в чем плохом перед Россией, и матушкой нашей, императрицей Елизаветой Петровной не замешан, – сказал я и стал шарить левой рукой под одеждой, стараясь нащупать нательный крест.

– Ладно, Кузьма, лежи, – один из моих спасителей, видимо старший, удержал руку. – Значит, ты говоришь, что попал в плен к французам? А в каком году это было?

– В 1735 году от Рождества Христова, – ответил я. – А сейчас на дворе 1755 год. Я за временем слежу, отметки на специальной доске дома делаю. Надо же знать, когда Рождество отмечать, а когда Пасху и Покров.

– Значит, ты говоришь, что сейчас на дворе 1755 год? – спросил меня старший. – А ты ничего не путаешь?

– Нет, не путаю, – мне вдруг стало обидно, – Вы что, думаете, живя среди дикарей, я сам дикарем стал? Тут один англичанин – Джоном Харрисом его кличут, – у него я порох и свинец покупаю, – когда к нему в гости прихожу, рассказывает мне о том, что в мире происходит. От него-то я и узнал, что императрица Анна Иоанновна померла, а править стал император-младенец Иоанн Антонович. А потом там что-то в Петербурге случилось, и на престол российский взошла императрица Елизавета Петровна, дочь императора Петра Алексеевича. Я ее когда-то хорошо знал – работал кузнецом на Смольном дворе, там, где дворец царевны стоял.

– Во дела! – старший не мог скрыть удивления. – Это надо же, куда мы попали! Вижу, Кузьма, что ты не врешь нам. Скажи-ка мне лучше – далеко ли деревня твоя? Ну, или становище, как тут у вас оно называется.

– Да верст пять будет, – ответил я. – Только ты, барин, не обессудь – я сам идти не могу. Совсем плохо мне. Бок болит, да и рука тоже.

– Не бойсь, Кузьма, – улыбнулся старший. – Тебя мои ребята на руках понесут, словно шаха персидского. Да, кстати, а индейцы твои разве дорогу к становищу не охраняют? Ведь те люди лихие, которые тебя подстрелили, могут к лагерю вашему незаметно подкрасться и всех людей в нем поубивать.

– Охраняют, как не охранять. Только мало мужиков в становище осталось. От оспы многие поумирали. Вот и женка моя тоже... – Тут мне снова привиделась Аграфенушка моя – стоит у сосны и так печально на меня смотрит. По щеке моей покатила слеза, и я смахнул ее левой рукой.

– Ладно, Кузьма, – сказал старший, – ты нам только говори, куда идти, куда поворачивать. Ну а дозорных индейцев встретишь – скажешь им, что мы друзья, а не враги.

До становища мы шли не спеша. Воины внимательно смотрели по сторонам и держали свое оружие наизготовку. Видно было, что они знали свое дело, и так просто их не возьмешь. А в полуверсте от становища на тропу вышел дозор – три воина, среди которых был и мой младший сын, Андрей, или как его индейцы называли, Хитрый Барсук. Я помахал им левой рукой, и крикнул по-индейски, что люди, которые со мной – наши друзья.

Воины были вооружены так, словно собирались немедленно идти в бой. У каждого был лук со стрелами, деревянные дубинки и маленькие топоры. У моего сына, помимо всего прочего, было ружье – я купил его у Джона Харриса за два десятка отличных бобровых шкур. И это было еще дешево – с индейцев французские и английские торговцы брали за ружья еще дороже. На двух других воинах были надеты доспехи, сделанные из деревянных пластинок, перевязанных бечевками, а в руках они держали небольшие круглые деревянные щиты.

Вскоре мы вошли в селение. Меня донесли до моего дома. Из него выскочила с кувшином воды Василиса, или как ее звали индейцы – Рыжая Белка. Действительно, не знаю, в кого она уродилась из моей родни, но волосы у нее были золотыми. Она подбежала ко мне и дала напиться. Мои спасители с любопытством посматривали на дочь. Она была очень красива и мало похожа на здешних индейских девок.

Потом ко мне подошел сахем – вождь рода, и я рассказал ему все, что со мной случилось. Сарангараро – так звали сахема, покачал головой.

– Похоже, что бледнолицые снова будут воевать между собой на нашей земле, – сказал он. – А, как всегда, больше всех достанется индейцам. Я думаю, что нам придется уходить из этих мест. Если, конечно, мы хотим уцелеть.

Сарангараро опять покачал головой и, посмотрев на воинов, которые спасли меня от смерти, сказал:

– Эти люди, хотя они и белые, имеют доброе сердце, и не способны на дурные дела. Пусть они живут у нас столько, сколько захотят. Ты переведи им мои слова.

Потом сахем медленно, по-старчески шаркая ногами, пошел в сторону длинного дома...

Историческая справка

Без вины виноватые

Виргиния, одна из английских колоний в Северной Америке, в сравнении с прочими территориями, заселенными выходцами из Англии, считалась землей обетованной. Первое племя, с которым новые колонисты вступили в контакт, были миролюбивые сасквеханноки, жившие в бассейнах Потомака и Сасквеханны и по берегам Чесапикского залива. Самоназвания их мы не знаем – колонисты называли их по имени реки Сасквеханны, но даже это название было взято из языка ленапе, известных нам под названием делавары, и означало «мутная река». Известно, что сасквеханноки представляли союз из пяти племен, и во многом – языке, материальной культуре, организации – походили на своих родственников-ирокезов. Основным отличием было их подчеркнутое нежелание воевать, хотя дать отпор вражеским племенам они вполне могли.

В течение нескольких десятилетий английские колонисты в отношении окружающих Виргинию индейцев особо не лютовали. Этим они отличались от прочих жителей Новой Англии, которые стремились уничтожить всех коренных

обитателей Нового Света подчистую. Но после войны с соседними индейскими племенами в середине XVII века виргинцы заключили с побежденными договор, согласно которому индейцы должны были платить колонистам дань мехами и выставлять вспомогательное войско в случае войны с теми краснокожими, которых бледнолицые считали «дикими».

Так продолжалось до 1675 года, когда началась «война на короля Филиппа». Вождь племени вампаноагов МетакOMET, получивший от англичан прозвище «король Филипп», вступил на тропу войны с бледнолицыми. К нему присоединились племена нипмуков, наррангасеттов, массачусеттов и абенаков. Индейцы воевали умело и бесстрашно. Им удавалось громить отряды белых ополченцев и регулярной королевской армии, захватывать форты и укрепленные селения колонистов.

Обеспокоенные всем этим, виргинцы решили разорвать договор с индейцами и согнать их с освоенных и ухоженных земель, принадлежавших этим племенам. С особым рвением в бой рвались плантаторы, живущие рядом с индейцами, и их кабальные слуги[42 - Кабальные слуги – англ. indentured servants – переселенцы, которые заключали договор с кораблями, согласно которому их переправляли в Новый Свет и продавали их услуги плантаторам; по истечении семи лет, если к работе слуги не было нареканий, плантатор был обязан их отпустить и снабдить деньгами и ружьем.]. Первые надеялись округлить свои территории, вторые – получить землю и стать фермерами.

Губернатор Вирджинии Роберт Беркли был настроен миролюбиво и делал все, чтобы боевые действия не начались. Но жители пограничья обращали мало внимания на центральную власть. И плантаторы явочным порядком стали захватывать индейские земли. В июле 1675 года они, якобы по ошибке, вторглись на территорию Мэриленда и напали на поселок индейцев сасквеханноков, которые в то время были союзниками колонистов. Индейцы взялись за оружие и прогнали захватчиков. Тем самым был создан «казус белли» для вторжения на индейские земли.

Виргинцы объединились с колониальной милицией Мэриленда и, собрав немалые силы – свыше тысячи ополченцев, в августе 1675 года окружили укрепленный лагерь сасквеханноков. Бледнолицые поступили как всегда подло – они пригласили (якобы для переговоров) пятерых сахемо и повесили их без суда и следствия. Посчитав, что лишённые своих военачальников сасквеханноки не окажут сопротивления, колонисты пошли на штурм индейских укреплений.

Но штурм закончился неудачей, и тогда бледнолицые решили взять лагерь саскеханноков в осаду, чтобы те умерли от голода. Но индейцы и здесь перехитрили врага – дождавшись ночи потемнее, они просочились сквозь блокадное кольцо и вырвались на свободу. По дороге индейцы убили пятерых часовых – по одному за каждого казненного сахема. Потом саскеханноки объявили белым, что договор между ними считается недействительным, и что они встали на тропу войны.

Тогда виргинцы решили действовать привычным методом – натравить на непокорных краснокожих соседние индейские племена. В мае 1676 года «лояльное» бледнолицым племя оканичи сообщило, что рядом с их селением появились сасквеханноки. Оканичи гостеприимно приняли их, накормили и предложили отдохнуть в своем лагере. А ночью они напали на саскеханноков, убили три десятка воинов, а еще десяток замучили у столба пыток. Прочих же отправили в качестве подарка губернатору.

Колонисты щедро «отблагодарили» оканичей. Им удалось узнать, что «по слухам, у дикарей скопилось пушнины на тысячу фунтов стерлингов, и было несправедливым оставлять в их руках такое богатство». За день до ухода из лагеря оканичей, во время прощальной пирушки, виргинцы внезапно напали на индейцев и вырезали их всех подчистую – воинов, женщин и детей. Кончилось все это безобразие тем, что уцелевшие индейцы откочевали из Вирджинии куда подальше, не желая больше иметь дело с бледнолицыми, которые не держали слова и не выполняли подписанные договоры.

А отдельные поселения сасквеханноков оставались лишь выше по течению Сасквеханны, а также вдоль некоторых ее притоков. К началу 1760-х некоторые ушли за Аппалачи, где растворились среди других племен, а из оставшихся почти все поумирали от оспы. Немногие выжившие были практически все перебиты колонистами. Оставалось лишь двадцать два человека в деревне Конестога, перешедшие в христианство и поэтому номинально находившиеся под покровительством губернатора Пенсильвании. Банда, называвшая себя «Ребята Пакстона» (Paxton Boys), вторглась в деревню и убила шестерых из них. Губернатор осудил это преступление, но не наказал преступников, а выживших индейцев перевели в «дом работы» в городке Ланкастер. Через две недели «ребята Пакстона» пришли и туда, где и перебили оставшихся сасквеханноков.

Глава 3

Охота на охотников

12 июня 1755 года. Деревня Аткованачуке. Капитан 3-го ранга Хасим Хасханов, позывной «Самум»

Хас сидел в центре индейской деревни, там, где местное начальство отвело место для его группы. Опершись спиной на рюкзак, он гонял в голове мысли уже по десятому кругу. Хас уже свыкся с мыслью, что группа оказалась в Северной Америке, причем в далеком прошлом. В отличие от большинства своих сослуживцев, семьи он не имел, постоянной девушки тоже не было. Немного тревожила мысль – как там родители, как его пес и кот, которых он на время командировки распихал по друзьям.

В любом случае то, что они имеют – это уже данность и объективная реальность. Можно признавать это, можно и не признавать, но от этого ничего не изменится. С другой стороны, его грела мысль, что он, сам не желая того, стал участником приключений, о которых до этого читал только в книгах. И он мог повлиять на ход истории, мог изменить ее.

Только, в отличие от книжных героев, у них не было академических знаний по истории, ноутбуков с учебниками и энциклопедиями, да и какими-либо фундаментальными знаниями в области наук и производств они не обладали. Они были обычными парнями, которые делали свою работу. Правда, делали ее хорошо. И еще надо понять, каковы их запасы, и как они будут жить в этом мире. А в том, что в этом мире им придется жить очень-очень долго, Хасим не сомневался.

– Чи-чи, – прошипел сигнал внимания/вызова. Околачивавшийся неподалеку Север моментально принял охотничью стойку.

– Через десять малых большой сбор, – скомандовал Хас.

Север кивнул и ушел оповещать парней.

Минут через пятнадцать все собрались вокруг Хаса.

– Товарищи офицеры, – начал он, – вы уже, наверное, поняли, что мы попали в глубокое прошлое, да к тому же еще на североамериканский континент. Обстановка тут сейчас сложная. Насколько я помню, в здешних местах уже вовсю идут трапперные войны. Англичане и французы делят новые земли, а лет через двадцать-тридцать американцы начнут войну за независимость. В Европе же идет Семилетняя война[43 - Хасим немного ошибся, Семилетняя война начнется лишь на следующий год.]. В общем, если кто-то смотрел или читал «Чингачгука» и прочих «Зверобоев», то он примерно может представить, о чем идет речь. Нам с вами надо определиться, как мы будем жить дальше. И с кем мы будем жить дальше. А также, что мы можем предложить этому миру. Есть какие-нибудь мысли? Согласно традиции прошу высказываться всем, начиная с младших офицеров.

– А русских в Америке сейчас нет? – спросил Дарт.

– Есть. Но, по-моему, они находятся где-то в районе Калифорнии и на Аляске[44 - Хас опять ошибся. Постоянно проживающих русских в Америке нет. Русские промышленники бьют каланов у берегов Аляски, но первое постоянное поселение появится лишь в 1784 году на острове Кодьяк. Пока же на Тихом океане освоены только Камчатка и Охотский порт.].

– А мы можем дойти до них? Со своими все-таки как-то проще...

– Попробуем, но не в ближайшей перспективе. Еще вопросы будут? – Хас посмотрел на Севера.

Тот отрицательно покачал головой.

– Хорошо. Давайте облегчим задачу. Надо определиться, с кем мы сейчас законтачим, установим отношения и попробуем наладить какой-то элементарный быт. Или вы хотите всю жизнь в индейских вигвамах прожить? Нет? Хорошо. Тогда у нас три варианта: французы, англичане и американцы[45 - Американцев, как самостоятельной нации, на тот момент еще не было, хотя жители британских колоний в Новом Свете уже противопоставляли себя жителям Метрополии.]. Крови между нами и ними пока нет, и мы вполне можем с любыми из них вступить в переговоры. Кто-нибудь хочет к англосаксам?

Вся группа отрицательно покачала головами.

- Хорошо. Тогда это, предварительно, французы. Хотя они тоже обезьяны порядочные... Но, как говорят в народе - на безрыбье и рыба раком... Сейчас я хочу следующее: Удав, - Леня кивнул ему, - подсчитать весь БК, который в наличии у группы.

- Салават, - Наиль поднял руку, - от тебя доклад по минно-взрывным средствам.

- Север, - Андрей тоже поднял руку, - с тебя доклад по АКБ ко всем радиостанциям, и предложения по их зарядке. Вопросы?

Группа синхронно покачала головами.

- Добро. Тогда разойдись. А вас, Руссо, - голосом папы Мюллера произнес Хас, - я попрошу остаться.

- Ну, и что ты думаешь? - спросил Хас, когда они остались одни.

- А что тут думать, - пожал плечами Рустам, - ты, в принципе, все верно сказал. Вообще же надо как следует все оценить и взвесить.

В это время у длинного дома, как его называл Кузьма, началась какая-то движуха. Хас какое-то время прислушивался, а потом тронул Рустама за плечо:

- Пойдем-ка, понюхаем, что там стряслось. Что-то не нравится мне вся эта возня.

Когда они подошли к дому, то увидели группу индейцев, которые что-то возбужденно говорили и жестикулировали, показывая руками в сторону леса. На земле сидел молодой изможденный индеец в окровавленной одежде. Видимо, он был или сильно избит, или легко ранен. Хас увидел стоящего в толпе и опиравшегося на плечо симпатичной рыжеволосой девушки Кузьму, ухватил его за рукав и спросил:

- Что там у них произошло? - и кивнул головой в сторону о чем-то горячо спорящих индейцев.

– Так это, индейцы из лесу возвратились. Они за раненым своим ходили. Ну, которого вместе со мной подстрелили. Раненого нашли и привели. От него они узнали, что по его следу белые трапперы идут. Он со скалы их заметил – они по ущелью шли. Скачущий Олень их как следует по лесу покружил, но, похоже, что они крепко его след взяли. Скоро они будут тут.

– Эти охотники – американцы? – спросил Хас.

– Кто? – не понял Кузьма.

– Я говорю – это англичане идут? – тут же поправился Хас, вспомнивший, что до американцев здесь еще дело не дошло. Надо было чуть-чуть потерпеть – всего каких-нибудь двадцать лет.

– Да, англичане, – ответил Кузьма.

– И что теперь будет?

– Биться с ними будут, вот что. Если они наше селение найдут, то запросят подмогу, и индейцам тут не жить. Опять придется все бросить и бежать. Ведь эти ироды вырежут всех. Они ни баб, ни детишек не пощадят. Вон, когда я у макуасов жил, мне рассказывали, что губернатор Массачусетса Уильям Шерл платит сорок фунтов за скальп индейца-мужика и двадцать фунтов – за скальп бабы. Большие деньги, между прочим... Вряд ли здесь по-другому.

Хасим и Рустам переглянулись. Вот она, первая кровь... Быстро же... Но выбора у них не было. Англичане большими силами выйдут сюда и начнут резать всех подряд, не разбираясь, кто здесь индеец, а кто русский. Если что, то и их скальпы сбагрят, как скальпы французов. Да и Хасу неожиданно захотелось схлестнуться с англичанами, если честно. Он ощутил боевой кураж, как тогда, на юго-востоке, когда они распотрошили группу британской САС.

– Сколько их? Откуда идут? Далеко отсюда?

– Этот воин – его зовут Скачущий Олень – говорит, что две руки будет – человек десять. Идут они с восхода, – Кузьма махнул левой, невредимой рукой в сторону леса. – Здесь скоро будут, вроде в верстах трех-четырех отсюда. Надо уходить

побыстрее. Они, хоть сразу и не нападут, но пошлют за своими, а те к вечеру будут здесь.

Хасим и Рустам еще раз переглянулись между собой.

– Кузьма, скажи индейцам, чтобы они не вздумали пока соваться в лес. Иначе мы и их можем порешить под горячую руку. Мы сами с этими охотниками за скальпами разберемся.

Оба, не сговариваясь, быстрым шагом зашагали в сторону своих. Подходя к дневке, Хас на ходу скомандовал:

– Группа, к бою! Готовность десять минут! Рюкзаки не берем!

Парни, привычные к подобным делам, быстро облачались в разгрузки, разбирали оружие, досылали патрон в патронник и строились в одну шеренгу по подгруппам.

– Внимание! – произнес Хас. – Время и судьба все решили за нас. Сейчас к нашему лагерю по лесу подбирается отряд англичан, человек десять. Хотят выследить индейцев и затем напасть на лагерь. Если нападут на лагерь – то разбираться не будут, кто тут индеец, а кто – нет. Задача: выдвинуться в лес. Группу англичан обнаружить и уничтожить. Одного оставить живым. Надо поговорить с ним. Засаду ставим следующим образом – тыльник выделяет наблюдателей, обнаруживает англичан, пропускает их мимо себя, передает по радейке нам, и дальше следит, чтобы ни одна британская морда живой не сбежала. Два ядра садятся вдоль дороги, дистанция от дороги двадцать-тридцать метров. Интервал между подгруппами десять метров. Головняк садится поперек тропы в двадцати-тридцати метрах от нас. Короче, ставим классическую «Г-образную» засаду. Местность позволяет. Снайпера не работают, только наблюдают. Пулеметчикам расход БК разрешаю полста выстрелов. По моей команде. Давить не надо. Их там мало и оружие у них кремневое. Они стреляют метко, но перезаряжают свои «зверобои» долго. Все работают одиночными или отсечками. Хочу видеть: ван шот – ван килл [46 - One shot, one kill – один выстрел, один труп.]. Вопросы?

– Где их искать-то в лесу? – спросил Мажор.

– Элементарно, Ватсон. Они охотники, а, значит, идут по индейским следам. Индейцы доведут нас до тропы, по которой они возвращались. Еще вопросы? Нет? Хорошо. Джентльмены, каждый из вас знает, что ему делать. Давайте пойдём и немного поработаем. Напра-во!

Группа повернулась направо и порысила в сторону леса.

12 июня 1755 года. Долина реки Джуниаты. Томас Форрестер Вильсон, траппер и трейдер, бывший студент

Минут через десять после того, как босс с ребятами нас покинули, я посмотрел на Робина Хейза – именно он был правой рукой нашего командира – и мотнул головой в сторону Оделла. Тот подошел к незадачливому натуралисту и спросил:

– Ну, что скажешь, хирург? Развязывать тебя пока не буду, а вот кляп могу вынуть. Но только когда пообещаешь хорошо себя вести. Если согласен, то кивни.

Джонни кивнул, и Хэйз вытащил грязную тряпку из его рта. Оделл закашлялся, а Хэйз отеческим тоном сказал:

– Здесь тебе не Нью-Джерси, где и индейцев-то, наверное, почти не осталось. Здесь они – хуже диких зверей. Особенно местные, сасквеханноки. У них у многих есть ружья – когда-то им раздали их шведы. Они убивают наших людей, насилуют наших женщин, и вообще, чем быстрее мы их уничтожим, тем лучше.

Хэйз говорил неправду – я-то знал, что сасквеханноки на самом деле весьма миролюбивое племя. Воюют они только тогда, когда на них нападают, а про насилие в отношении женщин я не слышал ни разу. Да и Оделл, судя по физиономии, не поверил Хейзу, но ничего не сказал.

Впервые про заказ на уничтожение сасквеханноков я услышал после того, как наши ребята вырезали какую-то их деревню милях в тридцати от Монокаси. Мне, к счастью, в этом участвовать не пришлось – как нового человека в группе, меня оставили в дозоре. Но выстрелы я слышал, да и трупы видел своими глазами – а там были все – от стариков до младенцев. Меня от такого зрелища вырвало, за

что Скрэнтон с компанией заставил именно меня, плюс Артура Честера, еще одного новичка, которого точно так же стошнило, побросать мертвые тела в овраг. Деревня была чуть в стороне от маршрута солдат Брэддока, и Скрэнтон решил, что трупы можно не засыпать.

Нас с Честером Скрэнтон взял к себе в Монокаси, за половинные пай («вы же новички»). Речь шла лишь о сопровождении группы Брэддока до форта Дюкень, хотя шеф туманно намекнул про какие-то «дополнительные заработки».

Чем Артур ранее занимался, не знаю. А я до этого торговал с индейцами, но не здесь, а западнее, пока меня не схватили и не побили новые конкуренты. Забрав ружье, нож, деньги и весь запас шкур, они подожгли построенную мною избушку, и их главарь напоследок бросил:

– Еще раз тебя увидим, пеняй на себя. Это теперь наша территория.

Денег у меня почти не оставалось – в углу избушки в землю была зарыта кубышка с четырнадцатью испанскими долларами, которую, к счастью, бандиты не нашли. Этого не хватало даже на новое ружье, без которого жизнь трейдера была невозможной. Подумав, я отправился в Вильямсбург, к родителям. Шел недели три, сторонясь каждой тени – меня не только медведь, любой волк бы убил на раз – из оружия же у меня была лишь палка с острым наконечником, выдернутая из тына избушки, из еды – ягоды и другие «дары леса». Два раза заходил к знакомым индейцам, которые меня кормили – что ни говори, а краснокожие, которых я знаю, пусть не «благородные дикари» из трудов герцога де Лаонтана, но намного более приличные люди, нежели большинство белых, часто даже родственников.

Каким-то чудом дошел я тогда благополучно до родного дома. Постучался в дверь, но дворецкий, Джим, увидев меня, замахал руками и виновато произнес:

– Масса Том, подождите здесь.

– Почему, Джим? – удивился я.

– Вы же знаете, что родители запретили вам появляться на плантации, – сказал Джим, стыдливо опустив глаза. – Но я попробую с ними поговорить. Ведь вы такой исхудалый и оборванный...

Но минут через пятнадцать он вышел, скорбно качая своей черной кудрявой головой:

– Увы, масса Том, я им и про блудного сына напомнил, и рассказал, как вы жалко выглядите. Миссис сказала, что нет у нее больше сына. Вот, возьмите, – и он протянул мне старое ружье и мешочек с монетками, – здесь восемнадцать шиллингов – все мои сбережения. Берите, масса Том, вы всегда были добры к нам, невольникам, не то что ваши братья... В этом узелке – кое-какая еда. А здесь – пулелейка, свинец и порох. Берите и ступайте. Даст Бог, увидимся еще с вами при других обстоятельствах...

Он обнял меня, заплакал и помахал рукой на прощанье.

Моя настоящая фамилия не Вильсон, а... Впрочем, неважно; Вильсон – девичья фамилия моей любимой бабушки. Вырос я в богатой семье, да и помолвлен был с дочерью вице-губернатора колонии. И послали меня учиться на хирурга в университет Вильяма и Мэри, в родном Вильямсбурге. А за полгода до диплома вдруг... впрочем, об этом я лучше расскажу в другой раз. Кончилось все тем, что родители объявили мне, что у них теперь три сына вместо четырех, выдали мне двадцать фунтов и велели на глаза им больше не попадаться.

Тогда-то я подался в недавно построенный городок Ричмонд, где открыл врачебную практику. Но не прошло и месяца, как ко мне явился чиновник от губернатора и заявил, чтобы я немедленно прекратил сие занятие, так как лицензии на лечение больных у меня нет.

Я отправился дальше на запад, в предгорья Голубого хребта, где и занялся торговлей с индейцами. Языки их – как ленапе, так и сасквеханноков – я выучил быстро, все-таки с детства знал французский, немецкий, латынь, а в университете еще добавил к этому списку древнегреческий... А с местными индейцами проблем не было, особенно после того, как я вылечил вождя одной из сасквеханнокских деревень от лихорадки, а сыну другого спас поврежденную волком ногу. Деревень этих больше нет – в прошлом году, как мне рассказали в Монокаси, почти все их жители перемерли от оспы, а оставшиеся в живых куда-то ушли.

В Монокаси я и отправился после неудавшегося визита к родителям, надеясь примкнуть к каким-нибудь трейдерам либо трапперам. Я понял, что в одиночку

этим лучше не заниматься. За зиму мои деньги практически все закончились, и мне пришлось подрабатывать у местных немцев при рубке леса. А вы знаете, какие они скупые – заработанного еле-еле на жизнь хватало... Там я и познакомился с Честером. И когда пришел Скрэнтон, он развесил объявления о том, что ему нужны люди. Нас он выбрал из двух десятков желающих, а лично меня – за то, что я умею врачевать. Почему он выбрал Честера, даже не догадываюсь.

С молодым Оделлом я сдружился сразу; учил его индейским языкам (он страшно удивился, узнав, что «индейского» языка нет, и что сасквеханнокский от ленапе отличается сильнее, чем древнегреческий от английского), а также языку жестов[47 - «Дикари», чтобы преодолеть разницу в языках, придумали универсальный язык жестов. А у ирокезов существовала целая система знаковой записи сообщений при помощи цветных раковин, а позже – бисера, который в определенных сочетаниях нанизывался на шнуры и связывался в широкие ленты-пояса. Их индейцы называли вампумами. Помимо всего прочего, это были не только документы о тех или иных событиях, произошедших в племени, но и денежный эквивалент.]. Я рассказывал Оделлу про нравы и повадки разных племен, про природу и географию. Да и про врачебное дело мы с ним потолковали – он знал его лучше меня, все-таки я студент-недоучка.

Зато я смог показать ему растения, которыми лечатся индейцы, и рассказал, как именно они их употребляют. И вот сейчас я слушал, как Хэйз рассказывал ему, почему индейцев нужно перебить. Во мне все кипело, но что я мог поделать? Тут свои, лесные законы. Одно слово против начальства, и меня найдут с дыркой в голове в каком-нибудь овраге. Если вообще найдут...

Через полтора часа мы развязали Оделла, поели и решили по очереди вздремнуть. Мы с Адамсом легли первыми; помню еще, как сквозь сон я услышал далекие выстрелы, а минут, наверное, через двадцать меня вдруг начали трясти за плечо, и голос Хэйза разбудил меня:

– Эй, Вильсон, просыпайся! Оделл сбежал!

12 июня 1755 года. Долина реки Джуниаты. Майор Сергей Наумов, позывной «Хазар»

Сергей расположился в кустах, метрах в двадцати от тропы, по которой должны были пройти англичане. Индеец довел их до нужного места и на довольно скверном английском языке наскоро рассказал об особенностях рельефа, после чего отправлен Хасимом обратно в лагерь. Участок для засады был выбран там, где тропа делала небольшой поворот, что и позволяло поставить Г-образную засаду. Сергей со своей подгруппой расположился метрах в пятидесяти от ядра Хаса. Между офицерами подгруппы было по пять-семь метров, что давало нам возможность маневрировать во время боя.

Медленно тянулись минуты, и Сергей поневоле возвращался мыслями к молодой жене и маленькой дочке. Как они там? Семья осталась в Рязани – он так и не успел перевезти их к себе. Ничего, в крайнем случае родители заберут их в Казань.

Внезапно справа раздалось тихое «чи-чи» от Апача, который сидел крайним правифланговым в его подгруппе. Хазар сквозь просветы в зелени нашел Апача, тот начал жестами передавать информацию: «Наблюдаю противника. Направление 11 часов. Семь человек». Сергей немного приподнялся, пытаясь рассмотреть двигавшихся людей. Вроде как их должно было быть около десяти, хотя количество сообщали ориентировочно, так что это не догма. Мимо него, крадучись, проследовала семерка людей, одетая в костюмы из выделанной оленьей кожи. На некоторых из них были бобровые или енотовые шапки. На ногах мокасины, в руках ружья. У двоих-троих за поясом имелись томагавки. И у всех были ножи.

Двигались и вели себя в лесу они достаточно профессионально. Сергей моментально оценил их уровень. Недооценка противника ведет к скорой встрече со Всевышним. Однако Хазара и его подгруппу люди не заметили и не учуяли. Британские камуфляжи прекрасно работали в лесу, да и опыта у группы было на три роты таких охотников. Ведь и Сергей, и все остальные несколько лет устраивали «сафари» в лесу не на дичь, а на себе подобных, и делали это весьма хорошо. Пропустив охотников мимо себя, еще раз пересчитав их и убедившись, что сзади них никого больше нет, он дал два длинных тоновых сигнала тангентой радиостанции и получил один длинный тоновый сигнал в ответ. Значит, его инфа принята. Через какое-то время в гарнитуре радиостанции раздался приглушенный голос Хасима:

– Триста!

Сергей знал, что по этой команде офицеры прикинули к коллиматорным прицелам и разобрали цели.

- Тридцать!

Пальцы стрелков выбирают свободный ход спускового крючка, одновременно с глубоким вдохом-выдохом, насыщающим мозг кислородом и придающим ему гиперактивность.

- Три!

На полувывдохе одновременный спуск и характерное шипение пуль при вылете из автоматов, снабженных пэбээсами[48 - ПБС - прибор бесшумной стрельбы.].

- Дробь огонь! Наблюдать.

- Хазар - Самуму!

- На приеме!

- Семь! Как принял меня?

- Принял тебя! Подтверждаю, семь!

Значит, никто из охотников не ушел.

- Урал - Самуму!

- Урал - да!

- Подгруппе - досмотр и контроль! Остальным - прикрывать.

Потянулись очередные минуты ожидания... Минут через пятнадцать-двадцать в гарнитуре прозвучало:

- Внимание группе! Сбор в основной точке. Как приняли меня?

– Удав – да!

– Урал принял!

– Хазар – да! – ответил Сергей и дал своей подгруппе команду сворачиваться и уходить. Основной точкой была обозначена индейская деревня, из которой они пришли.

На опушке леса группа собралась вместе и построилась в походный порядок. В центре ядра Урала находился один из охотников, с кляпом во рту, с руками, стянутыми за спиной, и в окровавленной куртке. Его под руки тащили Казак и Мастер. Группа скорым шагом направилась в деревню...

Глава 4

БЕГЛЫЙ ХИРУРГ

12 июня 1755 года. Где-то в лесах долины Джуниаты. Джонатан Оделл, хирург при отряде генерала Эдуарда Брэддока

Сегодняшний день стал одним из самых черных дней во всей моей жизни. Люди, к которым я успел проникнуться уважением, оказались не более чем жестокими убийцами несчастных, которые всего лишь родились с красной кожей вместо белой. Меня поразило, с какой радостью на лице мои недавние товарищи готовились к убийству. Да и на лицах троих из тех, кто остался со мной, я увидел лишь сожаление, что им не доведется поучаствовать в кровавой вакханалии. Вот разве что Томас Вильсон, с которым я успел сдружиться за эту неделю, не выказывал восторга.

В экспедицию я попал, когда к родителям приехал дальний родственник моей матери, генерал Эдуард Брэддок. Узнав, что я только что отучился на хирурга, он неожиданно предложил:

– Джон (так как он был родственником, то называл меня по имени), а не хотел бы ты прогуляться с нами за Аппалачи? Наш главный хирург подцепил желтую лихорадку и не сможет отправиться с нами.

Я сначала попытался осторожно отказаться, но, подумав, что увижу новые земли и людей, их населяющих, дал ему себя уговорить, тем более что деньги он мне предложил весьма неплохие. Но довольно быстро я понял, что мои таланты понадобятся еще нескоро.

По моей просьбе, дядя Эдуард поручил меня Эбenezеру Скрэнтону и его людям. Сам Скрэнтон показался мне настоящим «горным человеком» – он очень хорошо знал местную природу, умел ориентироваться на местности. Когда же один из его людей вывихнул ногу, а я ее сразу вправил, мне наконец-то стало интересно.

А про Тома Вильсона я, как оказалось, уже слышал. У нас в университете рассказывали про некоего студента-медика из колледжа Вильяма и Мэри, у которого в его университетской комнате нашли двух дам, «на которых из одежды были только чепчики», и с которыми он занимался не просто развратом, а тем, что Церковь осуждает под названием fornication[49 - От лат. fornicatio – половой акт.]. Когда я узнал, что Вильсона выгнали из университета в последний семестр, я не нашел ничего лучшего, чем прямо спросить у него, не он ли это был. Тот рассмеялся и ответил:

– Все было немного не так, Джонни. Видишь ли, однажды на прогулке я познакомился с некой шотландкой, недавно приехавшей к родственникам. После очередного совместного променада она попросилась посмотреть наш колледж. Приводить женщин было строжайше запрещено, но я на свою голову не сумел устоять и отказать ей в ее просьбе. И когда мы пришли в мою комнату, она у меня вдруг спросила, как мы лечим женщин. Узнав, что обследовать их приходится на ощупь – как ты знаешь, их тела перед осмотром драпируются специальными покрывалами, – она неожиданно сказала, что женские тела сильно отличаются от мужских. Теоретически мы это знали – книги с иллюстрациями у нас были, – но на практике даже анатомию мужского тела мы изучали по трупам казненных, которые иногда власти передавали колледжу. А что уж говорить о телах женских...

Дженни – так ее звали – сказала мне безапелляционно, что хирургу необходимо знать анатомию человека, которого он лечит. Тут бы мне ее выставить, а я заинтересовался. Она вдруг сняла с себя все, кроме чепчика, и предложила мне

ознакомиться с ее... органами. Никакого fornication там и близко не было, да и доцент вошел в мою комнату сразу после того, как она разделась – наверное, ему донес кто-то из моих соседей. Оказалось потом, что Дженни прислали в Виргинию после какого-то скандала в Шотландии, и что приехала она к родственникам моей невесты.

То, что после этого из университета меня отчислили, было плохо. То, что родители выгнали меня из дома – еще хуже. Вот разве что то, что помолвка моя расторгнута, меня, наоборот, обрадовало – бывшая моя невеста была больше всего похожа на откормленную свинку, да еще с трубным голосом и скверным характером.

Вильсона я мог слушать часами – он и рассказывал мне про природу и про разные индейские племена, учил меня лекарственным растениям и индейским языкам... Я думал было поговорить с ним, но понял, что он полностью зависит от Скрэнтонна – Вильсон успел рассказать про свою одиссею – и вряд ли сможет мне помочь. Так что пришлось действовать на свой страх и риск.

Когда меня наконец развязали и покормили, Вильсон с Адамсом завалились спать, а я подумал, что нужно предупредить дядю Эдуарда о преступлениях Скрэнтонна с компанией. Улучив момент, когда Грант с Хейзом уселись играть в кости, я рванул в ту сторону, где, как мне казалось, находился лагерь Скрэнтонна. Через минуту раздался топот – как в моем направлении, так и почему-то в совершенно другой стороне. Я побежал еще быстрее – все-таки я был чемпионом университета в ежегодном студенческом забеге. Увидев какую-то полянку, я выбежал на нее и, подумав, повернул налево, где и затаился за кустами. Минуты через две через полянку перебежал Грант и скрылся в лесу. Переждав минут пять, я подался еще левее и пожалел об этом, оказавшись в густых зарослях черной малины. Продираясь сквозь колючки, я вдруг услышал утробный рев. Футах в ста от меня появилась черная туша, стоявшая на задних лапах. Медведь...

Я замер – к счастью, зверю было не до меня. Через минуту рычание стихло, и туша исчезла за малинником. Как можно тише я начал красться в обратном направлении, вслушиваясь в шорохи леса и молясь про себя Господу об избавлении от диких зверей. Когда же я вновь оказался на поляне, то наконец почувствовал себя с Господней помощью в относительной безопасности. Я как можно тише пошел к тому ее краю, где, как мне казалось, проходил путь к лагерю отряда дяди Эдварда. И тут я вдруг понял, что это не та поляна – вокруг

той определенно не было таких огромных дубов.

Спасти меня могло только чудо – я не знал, где нахожусь, а вокруг меня были медведи, дикари, которые вряд ли посмотрят на меня благосклонно после того, как на них напали, а также сам Скрэнтон и его люди. И именно они, при всем моем отвращении к ним – мой последний шанс.

12 июня 1755 г. Деревня Аتكваначуке. Капитан 3-го ранга Хасим Хасханов, позывной «Самум»

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

ССО – Силы специальных операций.

2

Служба государственной безопасности Сирийской Арабской Республики.

3

Ставить засаду.

4

Из боевой группы.

5

Портативная цифровая УКВ-радиостанция.

6

«Тяжелое» – тяжелое вооружение. Сюда относятся АГС, СПГ, ПТУР, крупнокалиберные пулеметы и минометы.

7

Группник, группенфюрер — жаргонное название командира РГСПН в спецназе.

8

Замок – жаргонное название заместителя командира РГСПН.

9

Тридцать четвертый – автоматический гранатомет АГС-34.

10

Улитки – коробки с выстрелами к АГС.

11

«Решился» – составил решение командира РГСПН на засаду.

12

Намек на определенные недопонимания между военно-морскими училищами.

13

Головной дозор группы.

14

На жаргоне спецназа ГРУ – разведчик экстра-класса.

15

GPS-навигатор.

16

Можайка – военная инженерно-космическая академия им. А. Ф. Можайского в Санкт-Петербурге, сейчас – Военный инженерно-космический университет.

17

ВОП – взводный опорный пункт.

18

«Позвоночный» – прибывший устраиваться по звонку сверху, блатной.

19

Мертвый якорь – груз, как правило из ж/б конструкций, на якорь-репе (якорной цепи), которыми удерживаются на месте плавпричалы на военно-морских базах.

20

Примерно соответствует адской неделе «морских котиков».

21

Зага – жаргонное название одного из мест Подмосковья, где проходят учебные курсы.

22

Прибор ночного видения.

23

Гемостоп – препарат отечественного производства, разработанный военными медиками для остановки интенсивных кровотечений.

24

Вахту.

25

Портативном газовом чайнике.

26

Эту фразу на самом деле придумали газетчики после того, как генерал Филипп Шеридан на переговорах с индейцами в 1869 году, когда вождь Тосави представился как «Тосави, хороший индеец», ответил: «Все хорошие индейцы, которых я когда-либо видел, были мертвы».

27

Пуритане считали, что Господь посылает каждому, кто спасется, видения; человек, не удостоившийся такого видения, никогда не спасется. Оделл вырос в пуританской семье, но перешел в англиканство, когда учился в колледже.

28

180 см.

29

Братец, приятель (фин.).

30

По-русски это племя обычно именуется «мохоки», реже «могавки».

31

Джон Харрис – историческая личность, на месте его фактории и возникла столица Пенсильвании – Harrisburg.

32

Неизвестно, как Сасквеханну именовали сасквеханноки, но название Сасквеханна – из языка Ленапе, и означает Мутная река.

33

Добрый день. Приятно с вами (букв. «с тобой») познакомиться (исп.).

34

Тем, кто в двухтысячные годы выпускался из «два ку-ку» (Рязанского гвардейского высшего воздушно-десантного командного училища), это многое объяснит.

35

Всё будет хорошо, не беспокойся (лом. нем.).

36

Нужно есть, заниматься любовью и пить шнапс (лом. нем.).

37

Сюда, ложимся и не трахаем мой мозг (лом. нем.).

38

Козёл, не испытывай моё терпение и сойдёшь с ума (исп.). Вообще-то Хас имел в виду «no te vuelvas loco» – «не сойдёшь с ума»...

39

Спагетти-вестерн – итальянский вестерн.

40

Тыльник – тыловой дозор.

41

Кончанское стало принадлежать Василию Ивановичу Суворову – отцу великого полководца Александра Васильевича Суворова – лишь в 1763 году.

42

Кабальные слуги – англ. indentured servants – переселенцы, которые заключали договор с корабелями, согласно которому их переправляли в Новый Свет и продавали их услуги плантаторам; по истечении семи лет, если к работе слуги не было нареканий, плантатор был обязан их отпустить и снабдить деньгами и ружьем.

43

Хасим немного ошибся, Семилетняя война начнется лишь на следующий год.

44

Хас опять ошибся. Постоянно проживающих русских в Америке нет. Русские промышленники бьют каланов у берегов Аляски, но первое постоянное поселение появится лишь в 1784 году на острове Кодьяк. Пока же на Тихом океане освоены только Камчатка и Охотский порт.

45

Американцев, как самостоятельной нации, на тот момент еще не было, хотя жители британских колоний в Новом Свете уже противопоставляли себя жителям Метрополии.

46

One shot, one kill – один выстрел, один труп.

47

«Дикари», чтобы преодолеть разницу в языках, придумали универсальный язык жестов. А у ирокезов существовала целая система знаковой записи сообщений при помощи цветных раковин, а позже – бисера, который в определенных сочетаниях нанизывался на шнуры и связывался в широкие ленты-пояса. Их индейцы называли вмпумами. Помимо всего прочего, это были не только документы о тех или иных событиях, произошедших в племени, но и денежный эквивалент.

48

ПБС – прибор бесшумной стрельбы.

49

От лат. fornicatio – половой акт.

Купить: https://tellnovel.com/dynin_maksim/mezhdu-l-vom-i-lilley

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)